

СОБЫТИЯ 1863 г. В ГОРЫГОРЕЦКОМ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ
И ПЕРЕВОД ЕГО В ПЕТЕРБУРГ

лась высшая сельскохозяйственная школа сначала в виде Стебутовских высших сельскохозяйственных женских курсов (1904) и курсов агрономов (1906), а затем, после Октябрьской революции, на базе этих курсов был учрежден в 1922 г. Ленинградский сельскохозяйственный институт, который находится в настоящее время в г. Пушкино.
Немного раньше (1919) возродился сельскохозяйственный институт и в Горках—ныне Белорусская сельскохозяйственная академия.

Медаль в награду Студентамъ
Горыгорейскаго Земледельческаго
Института

ГЛАВА VIII ЗНАЧЕНИЕ ГОРЫГОРЕЦКОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЗИ — первой в России высшей сельскохозяйственной школы—и деятельность одновременно с ним основанного МГИ — первого центрального органа управления сельским хозяйством—и его периодического издания «Журнала МГИ» совпали с кризисом крепостной системы 40—60-х годов, когда, по определению В. И. Ленина, «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»¹. В этой борьбе МГИ при руководстве П. Д. Киселева до М. Н. Муравьева и «Журнал МГИ» при редакторстве Заблоцкого-Десятовского выражали антикрепостническое, либеральное направление в развитии сельского хозяйства. «В 40-е годы,—пишет современный исследователь Н. К. Каратаев,—в Министерстве государственных имуществ под руководством А. П. Заблоцкого-Десятовского и К. С. Веселовского готовились те буржуазные реформы, на путь которых встало царское правительство лишь в 60-х годах» [55 б; 252]. Соответствующее направление МГИ давало и Горыгорецкому институту: составило антикрепостническое Положение ГЗИ 1848 года с неперменной обязанностью обучать студентов способам перехода от одной сельскохозяйственной системы к другой, распространяло среди крестьян естественно-научные знания и т. п. Ученый комитет МГИ в 1850 году удачно охарактеризовал ГЗИ символическим рисунком на медали, предназначенной студентам ГЗИ за отличные успехи и сочинения. В центре этой медали с надписью вокруг «От Горыгорецкого земледельческого института» был изображен плуг [23; 62]. Плуг как символ ГЗИ говорил прежде всего о том, что в ГЗИ должно уделяться особенное внимание землепашцу-крестьянину, всегда связанному с этим главным орудием земледелия.

И действительно, крестьянское хозяйство было предметом особого внимания в ГЗИ. В этом отношении показательна деятельность профессора ГЗИ Целлинского, связанная со всей историей ГЗИ и ГЗИ. Как профессор сельскохозяйственных предметов, как декан и составитель учебных планов и записок к ним и как ученый, Целлинский проявил себя сторонником антикрепостнического направления, возглавлявшегося при МГИ Заблоцким-Десятовским. Показательны в этом отношении

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 473.

как диссертация Целлинского, так в особенности его программная речь на открытии сельскохозяйственных съездов при ГЗИ в 1853 году, прикнутая признанием талантливости и агрономической сметливости крестьянина, его способности к самостоятельному, независимому от помещика хозяйству и верой, что самостоятельное крестьянское хозяйство — залог развития сельскохозяйственной промышленности страны. Описанный выше студент Нат, присматривавшийся к крестьянам, изучавший их хозяйственное положение, искавший выход из бедственного состояния, находясь, как и другие студенты, под влиянием сельскохозяйственных бесед и лекций Целлинского. Большое внимание крестьянскому хозяйству уделяли также Михельсон, Стебут, Советов, Гинцель, Королев, Козловский и другие профессора ГЗИ. Недаром в отчете ГЗИ за 1861/62 учебный год подчеркивалась как важная особенность ГЗИ его связь с крестьянским хозяйством. «Интересы земледельческого учебного заведения, — говорилось в этом отчете, — не могут идти врозь с интересами земледельческого населения», т. е. крестьян [2; № 178].

На деятельность ГЗИ в интересах крестьянского хозяйства влияла и разночинная молодежь, которая выделялась своими демократическими, передовыми взглядами и настроениями, начиная с учеников высшего разряда ГЗИ, среди которых были близкие по взглядам к Чернышевскому, и кончая студентами в последние годы существования ГЗИ.

Обстановка, в которой находился ГЗИ, нищенские крестьянские хозяйства, окружавшие его, также невольно останавливали внимание преподавателей и учащихся ГЗИ и призывали к деятельности на пользу крестьян. Само МГИ при переводе института из Горок признало, что «бедность окрестных крестьян и всего населения оказывала невыгодное влияние» на учащихся, пробуждая у них демократические и революционные взгляды и настроения, бурно проявившиеся в 1863 г. Окружение ГЗИ крестьянской беднотой сказывалось не только на учащихся, но и на направленности всей деятельности ГЗИ.

Следует признать, что в ГЗИ внимание к крестьянскому вопросу, к решению его с наибольшей выгодой для крестьянина было значительно и что значение плуга как символа ГЗИ оправдывалось.

Вместе с тем плуг был символом и учебно-научной деятельности ГЗИ, в котором, как в единственной в России высшей сельскохозяйственной школе, сосредоточивалась в то время сельскохозяйственная наука. Подобно плугу, новому в тогдашнем крестьянском хозяйстве орудью, глубоко перепахивающему землю и более повышающему ее производительность, чем применявшаяся соха, ГЗИ, первая высшая сельскохозяйственная школа, должен был с помощью новой науки — агрономии, с помощью сельскохозяйственных знаний переделать сельское хозяйство на новых, научных основах, повысить производительность сельскохозяйственного труда и поднять сельскохозяйственную отрасль народного хозяйства.

Насколько же оправдала себя деятельность ГЗИ в области сельскохозяйственного образования и науки? Первоначально, когда МГИ при переводе института из Горок подбирало все отрицательное, что можно было сказать о ГЗИ, значение института унижалось и уменьшалось. Подходя к ГЗИ с узко-ведомственных интересов, МГИ считало, что ГЗИ своими результатами не оправдывал тех затрат, которые на него производились. «Результаты, приносимые институтом, не соответствуют тем жертвам, которые правительство на него употребило», — так писало МГИ, подсчитав расходы на ГЗШ и ГЗИ.

Расходы на устройство и содержание ГЗШ и ГЗИ
— 1836 по 1863 г. [17; 82]

Виды расходов	Расходы в тыс. руб.
Устройство имения и постройки школьных зданий с 1836 по 1839 год	296
Горыгорецкая школа и образцовая запашка при ней с 1840 по 1844 год	219
Институт, училище и ферма с 1845 по 1859 год	247
Конский завод при институте и другие расходы, не включенные выше	14
Институт, училище, землемерные классы и ферма с 1860 по 1862 год	247
Итого	1023 тыс. руб.

Чтобы показать чрезмерность затрат на ГЗИ, министерство включило в приведенный перечень расходов еще 500 тыс. руб. — стоимость имения, принадлежавшего ГЗШ, из расчета недополученных аренды и оброков. Но относить стоимость имения к расходам на ГЗИ не было никаких оснований, так как, что указывалось в своем месте, на казенное Горыгорецкое имение не находилось ни покупателей, ни арендаторов из-за нищеты крестьян, с которых оброк все же взыскивался обычным порядком.

Говоря об ассигнованиях на ГЗШ и ГЗИ, следует отметить, что они были незначительны. Из 5846 тыс. руб. годового бюджета МГИ в начале 60-х годов на ГЗИ с тремя учебными заведениями при нем (земледельческое училище, учебная ферма и землемерные классы) приходилось ежегодно 77 тыс. руб. (1,3%), меньше чем на бывший в Петербурге Лесной институт (80 тыс. руб.) и чем на открывавшуюся в Москве Петровскую академию (135 тыс. руб.) [89; 1864, XII]. Устройство Петровской академии также стоило значительно дороже устройства ГЗИ: 300 тыс. руб. — покупка имения и 525 тыс. руб. — постройка зданий [23; 105—107 и приложение, 34].

Преувеличив расходы на ГЗИ, министерство замалчивало результаты, полученные от ГЗИ и заключавшиеся прежде всего в количестве окончивших первую высшую сельскохозяйственную школу (табл. 23).

569 агрономов, выпущенных за 20 лет, — это значительный результат деятельности ГЗИ. За эти же годы сверстники ГЗИ — Петербургский технологический институт и Московское высшее техническое (тогда ремесленное) училище — выпустили такое же количество специалистов: Петербургский институт с 1837 по 1858 год — 571 мастера, а Московское училище с 1839 по 1867 год — 545 мастеров [42; 46, 55, 59.—38; 50]. Петровская же академия за первые 20 лет своей деятельности, с 1868 по 1889 год, выпустила 433 агронома, т. е. на 20% меньше, чем ГЗИ [17; прилож.].

Так что по сравнению с другими современными ГЗИ специальными школами и с родственной ему Петровской академией результат деятельности ГЗИ по количеству выпущенных специалистов в условиях середины XIX века был значителен, а не «ничтожен», как это отмечает современный исследователь Н. М. Дружинин, ограничившись, кстати сказать, числом окончивших ГЗИ только по 1856 г. [496; 234].

Таблица 23
Число студентов и слушателей, бывших в Горыгорецком земледельческом институте и вышедших из него до окончания и по окончании курса, за 12 лет, с 1854 по 1865 г. включительно [17; приложение II]

	1850—1853	1854	1855	1856	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	Итого с 1854 по 1865 г.	Всего
К 1 января состояло студентов	—	222	197	182	168	154	112	147	162	196	219	98	70	—	—
Слушателей	—	—	—	—	—	—	—	—	3	19	37	—	—	—	—
В течение года:															
1) поступило студентов	—	52	43	41	42	29	73	55	84	71	22	12	19	512	—
слушателей	—	—	—	—	—	—	—	3	19	18	—	—	5	45	—
2) выбыло до окончания курса студентов	—	15	31	22	13	39	11	22	29	31	97 ^а	20	4	354	—
слушателей	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	37	—	—	40	—
3) окончило полный курс:															
а) агрономами или кандидатами сельского хозяйства	66	30	8	21	15	11	12	10	8	6	9	5	24	159	225
б) действительными студентами агрономии	50	32	19	12	28	21	15	8	13	11	17	4	44	224	274
в) итого окончило полный курс	116 ^г	62	27	33	43	32	21	18	27	17	26	9	68 ^д	383	499 ^е

¹ В том числе в 1853 году—57 человек, из коих 31 были выпущены со степенью агронома, а 26—со званием действительного студента агрономии; но из этих последних 4 в следующем году выдержали экзамен и получили степень агронома.
² В эти годы по случаю перевода института из Горка в Петербург приема не было.
³ В том числе исключено 59 человек.
⁴ В этом году было 2 выпуска: один в августе—37 человек, прошедших полный теоретический курс и пробывших год на практике, а другой в июле—31 человек, прошедших только теоретический курс и не бывших на практике. Эти два выпуска были в Петербургском земледельческом институте.
⁵ Кроме того, 70 человек окончили высший разряд ГЗШ, так что всего получивших в Горках высшее сельскохозяйственное образование было 569 человек.

ЗНАЧЕНИЕ ГОРЫГОРЕЦКОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Говоря о числе окончивших ГЗИ, следует отметить, что другие учебные заведения при ГЗИ за годы существования института в Горках также выпустили 604 специалиста по сельскому хозяйству меньшей квалификации: низший разряд ГЗШ и земледельческое училище окончили 247 человек, учебную ферму и школу овчаров—309 и землемерно-таксаторские классы—48.

Данные о средствах, на которые учились 490 студентов ГЗИ, показывают на заинтересованность некоторых сельскохозяйственных обществ в подготовке агрономов (табл. 24).

Таблица 24
Средства, на которые обучались воспитанники высшего разряда ГЗШ и студенты ГЗИ [89; 1864, IX, 90]

Число учащихся	Учились за счет							
	своих родных	МГИ	духовного ведомства	ВЗО	с-х. общества		МНП	Всего
					Кавказа	Южной России		
269	116	79	15	7	3	1	490	
%	55	23,8	16	3	1,4	0,6	100	

По вероисповеданию среди 490 окончивших было: православных—302, католиков—154 и лютеран—34.

Так как показателем значения специального учебного заведения является не только количество выпускников, но и дальнейшая их деятельность по соответствующей специальности, то некоторые деятели, чтобы унижить значение ГЗИ, указывали, что его питомцы были чиновниками в разных ведомствах.

Так реакционный публицист М. Н. Катков выступил в «Московских ведомостях» в передовой статье «Нужна ли Петровская земледельческая академия и что она может дать?» со следующим заявлением: «При сельскохозяйственного заведения, выпускающего преимущественно чиновников для разных ведомств, мог бы, казалось, служить довольно наглядным доказательством, как мало значения для нашего хозяйства имеют наши высшие сельскохозяйственные школы» [101].

Против голословного заявления М. Н. Каткова и в защиту ГЗИ и его значения выступил в сентябре 1864 года «Журнал МГИ». В статье «Чем занимаются студенты бывшего Горыгорецкого института?» с приложением хронологического и алфавитного списков воспитанников высшего разряда ГЗШ и студентов ГЗИ неизвестный автор (можно предполагать Н. Скворцов, окончивший ГЗИ, а в это время инспектор по сельскохозяйственному образованию при МГИ), располагая отчетами по ГЗИ, попытался вскрыть причины довольно распространенного мнения о выпускниках ГЗИ, как о чиновниках. Были названы действительные занятия окончивших институт с 1844 по 1861 год, сведения о чем имелись в МГИ, и сделаны выводы, что большинство окончивших ГЗИ было занято сельскохозяйственной профессией и только менее одной пятой окончивших можно отнести по занятиям к чиновникам.

Неправильное мнение об окончивших ГЗИ, по словам журнальной статьи, создавалось, во-первых, вследствие незнания задач и назначения института, который готовил не только непосредственных практиков по сельскому хозяйству, но люстраторов и преподавателей сельского хозяйства, а также чиновников для вновь организовавшегося МГИ; во-вторых, вследствие неправильного предъявления к высшей сельскохозяйствен-

ной школе таких же требований, как к другим специальным высшим школам, например, Горному, Морскому, Лесному институтам, обслуживавшим только правительственные запросы, тогда как сельскохозяйственная школа имеет в виду удовлетворение нужд не только казенного, но и частного хозяйства; и, в-третьих, наконец, из-за чрезмерных требований к первой высшей сельскохозяйственной школе, которая просуществовала только 20 лет, и из-за трудности и невозможности сразу же определить за этот короткий срок влияние окончивших институт на сельское хозяйство.

Действительные занятия окончивших ГЗИ можно видеть из следующей сводной таблицы, составленной на основании сведений о занятиях окончивших ГЗИ, Петровскую академию и Петербургский земледельческий институт и дающей возможность установить как одинаковые занятия окончивших три названные родственные школы, так и некоторые особенности в занятиях окончивших каждую из этих школ.

Таблица 25

Сведения о занятиях окончивших Горыгорецкий институт и сельскохозяйственные отделения Петербургского земледельческого института и Петровской земледельческой и лесной академии за указанные годы [17; приложения III, V и VI]

Виды занятий	Учебные заведения и годы его действия	По сельскому хозяйству				По лесоводству	По другим ведомствам	Неизвестно	Всего окончено
		учебно-научные	управление имением	другие виды (техника, служба в МГИ и т. п.)	итого				
Горыгорецкий институт 1844—1865	Число окончивш.	99	194	92	385	21	46	117	569
	%	17	34	16	67	4	9	20	100
Петербургский институт 1868—1877	Число окончивш.	42	10	9	61	15	8	37	121
	%	35	8	7	50	13	6	31	100
Петровская академия 1868—1889	Число окончивш.	62	180	98	340	47	46	—	433
	%	14	42	23	79	11	10	—	100

Таблица показывает, что окончившие как ГЗИ, так и две другие школы, продолжавшие высшее сельскохозяйственное образование, готовили агрономов, в большинстве посвящавших себя одинаковой сельскохозяйственной деятельности, в частности, свыше 50% агрономов ГЗИ и Петровской академии занимались учебно-научной работой в высших и средних учебных заведениях и учебных фермах и управляли имениями, казенными и частными. Значительное число (117) окончивших ГЗИ, дальнейшая деятельность которых неизвестна, объясняется не представлением сведений главным образом от окончивших в 60-е годы в связи с событиями 1863 года.

В своем месте (3-я глава) отмечена просветительная деятельность окончивших ГЗИ и высший разряд ГЗШ, которые преподавали агрономию в духовных семинариях почти всех тогдашних губернских городов России, а после упразднения в 1866 году агрономии в семинариях—естествознание в гимназиях.

Здесь же необходимо назвать преподавателей сельского хозяйства в учебных заведениях и прежде всего 10 следующих питомцев ГЗИ, профессоров высших учебных заведений: 1) Ю. Жебенко — лесоводство, А. Козловский — инженерное искусство, А. Советов — сельскохозяйственная технология, И. Стебут—земледелие в ГЗИ; 2) А. Людоговский—сельскохозяйственная экономия, И. Стебут и А. Есаков — земледелие, И. Чернопятков — зоотехния, Ю. Жебенко (с 80-х годов) — лесоводство в Петровской академии; 3) А. Людоговский и А. Бажанов — экономика и животноводство в Петербургском земледельческом институте; в этом же институте преподавали переездившие из ГЗИ Целлинский, Шмидт, Баллион и Янсон, хотя и не питомцы ГЗИ, но проработавшие в нем значительное число лет; Целлинский в 1867 году после 23 лет работы в Горках и 2 лет в Петербурге ушел в отставку, занявшись подготовкой к печати «Сельскохозяйственных мемуаров» [1, № 10948 за 1864 г.]; 4) в университетах: Одесском — И. Палимпсестов, Петербургском — А. Советов и Казанском—Е. Фальков — общий курс сельского хозяйства.

Окончившие ГЗИ были преподавателями в земледельческих училищах: в Московской земледельческой школе — А. П. Людоговский (1861—1866); в Горьком — С. С. Коссович, затем директор Московской земледельческой школы; в Харьковском — П. Заворотко, А. Курбатов, К. Пашковский, П. Свислотский [89; 1864, IX, 87—124]; в Уманском — Н. Барановский. Среди питомцев ГЗИ—управляющих учебными хозяйствами при сельскохозяйственных учебных заведениях выделялись как агрономы-практики: А. М. Бажанов — директор Бутырского хутора Московской земледельческой школы (1857—1863); П. Юревич—управляющий Горькой учебной фермой (после Михельсона и И. Максимова); М. В. Неручев и В. З. Марковский — управляющие учебным хозяйством Петровской академии в 60—90-х годах. Бажанов, по впечатлениям обучавшегося у него в Московской школе П. Костычева, зарекомендовал себя настоящим русским агрономом [596; 53]. Профессор Петровской академии А. Ф. Фортунатов считал Марковского, наряду с известными профессорами Тимирязевым, Стебутом и др., выдающимся агрономом-практиком, который получал на академическом поле на удивление москвичей ржи средний урожай в 15 четвертей (при обычном урожае в 3 четверти) [14а; 31].

Питомцы ГЗИ, агрономы частных имений, также проявляли деятельность, свидетельствующую об их основательной подготовке в ГЗИ. Окончивший ГЗИ в 1863 году управлявший частным имением в Белгородском уез., Курской губ., В. Н. Краинский организовал в 1875 году в с. Шебекино низшую сельскохозяйственную школу, составил сочинения: «Технические и экономические основы Шебекинского хозяйства» (1874), «Сравнительная организация хозяйства Курской губ., Белгородского уез. и Тульской губ., Богородицкого уез.» (1878) и др., т. е. основательно изучал сельскохозяйственную обстановку своего участка [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Краинский].

Говоря о питомцах ГЗИ, ставших чиновниками МГИ, следует отметить деятельность М. С. Мицуля и Н. Н. Скворцова.

После окончания ГЗИ в 1864 году со званием агронома и лесоведа Мицуль, охарактеризованный Траутфеттером как старательный и плохо обеспеченный студент, был назначен на службу в департамент сельского хозяйства [1; 1864, № 10528]. Под начальством и влиянием вице-директора департамента В. И. Вешнякова Мицуль занялся изучением

главным образом зарубежного сельского хозяйства, о чем говорят его работы: 1) Отчет о Парижской всемирной выставке по лесоводству в 1867 году, которую Мицуль посетил; 2) Северо-американские земледельческие школы (1869)—работа, явившаяся как бы дополнением к книге Вешнякова о сельскохозяйственных учебных заведениях Западной Европы и 3) Обзор международной выставки по садоводству в Петербурге 1869 года. В 1871 году Мицуль был командирован как агроном на остров Сахалин в особой правительственной экспедиции [1; 1871, № 12505]. На Сахалине он провел более года (IX 1871—XI 1872), всесторонне изучая его растительный мир, а затем написал как отчет сочинение «Сахалин в сельскохозяйственном отношении». Это сочинение, напечатанное в приложении к журналу «Сельское хозяйство и лесоводство» (1873), явилось началом дальнейших подобных исследований Сахалина.

Известный писатель А. П. Чехов, готовясь к поездке на Сахалин, перечитал среди других исследований этот труд Мицуля, а при посещении Сахалина (июль—сентябрь, 1890) ознакомился с его работой на месте, насколько это было возможно через 18 лет. Книгу Мицуля о Сахалине А. П. Чехов назвал «одой в честь сахалинского плодородия», а самого Мицуля охарактеризовал по его работе на острове как агронома-энтузиаста. Чехов писал:

«Михаил Семенович Мицуль — человек редкого нравственного закала, труженик, оптимист и идеалист, увлекавшийся и притом обладавший способностью сообщать свое увлечение и другим... Исследуя почву, флору и фауну, он исходил пешком нынешние Александровский и Тымовский округа, западное побережье, всю южную часть острова; тогда на острове совсем не было дорог, лишь кое-где попадались жалкие тропинки, исчезающие в тайге и болотах, и всякое передвижение, конное или пешее, было истинным мучением. Идея ссыльно-хозяйственной колонии поразила и увлекла Мицуля. Он отдался ей всей душой, полюбил Сахалин, не замечал промерзлой почвы и туманов, находил его цветущим уголком земли...» [А. П. Чехов, соб. соч., М., 1956, т. X, 202].

Чехов отмечает также, что Мицуль оставил после себя на Сахалине добрую память и что в честь его были названы два селения: Ново-Михайловское — по его имени и Мицулька — по фамилии [там же, стр. 15, 202].

Вернувшись с Сахалина в Петербург, Мицуль передал большую коллекцию сахалинской флоры в сельскохозяйственный музей и в ботанический сад и, составив отчет по изучению Сахалина, приступил к описанию сельского хозяйства Японии, Китая и Калифорнии (Западный штат США), которые он посетил, возвращаясь с Сахалина в Россию. МГИ не поддержало этого начинания Мицуля, ссылаясь на отсутствие средств [1; 1871, № 12505]. Намеченная работа не была выполнена, так как в начале 1874 года Мицуль вышел в отставку по болезни, а в 1879 году умер (Чехов ошибался, считая, что Мицуль умер на Сахалине).

Большую деятельность по развитию сельскохозяйственного образования в России проявил питомец ГЗИ, уже упоминавшийся как единомышленник Заблочно, инспектор сельского хозяйства при МГИ Н. Н. Скворцов. Он, как член Ученого комитета и разных комиссий, принимал участие в организации Петрозской академии; способствовал развитию Горьковского, Казанского, Саратовского и Харьковского земледельческих училищ, не раз их навещая; участвовал в основании Уманского училища садоводства, преобразованного затем в земледельческое училище; собирал материалы о состоянии сельского хозяйства в России [1; № 816].

И количество окончивших ГЗИ, и род их занятий после окончания института, и значение деятельности, избранной многими из окончивших,

свидетельствуют о большом значении ГЗИ в истории сельскохозяйственного образования и в развитии русского сельского хозяйства.

Особенное значение имела деятельность ГЗИ в подготовке профессоров для высшей школы. Приведенный выше список профессоров показывает, что ГЗИ успел подготовить квалифицированных преподавателей сельскохозяйственных дисциплин не только для себя, для смены своего старшего поколения молодым, но и для открывавшейся в центре России высшей общегосударственной сельскохозяйственной школы — Петрозской академии, продолжавшей по преемству начатое ГЗИ высшее сельскохозяйственное образование в России. Значение деятельности ГЗИ, подготовившего профессоров для Петровской академии усиливается тем, что названные лица: Стебут, Людоговский и Чернопятав — были в начальный период деятельности академии единственными профессорами со специальным агрономическим образованием, тогда как остальные профессора академии этого времени были с университетским образованием: ботаники Железнов и Тимирязев, химики Ильенков и Густавсон, лесовод Собический окончили Петербургский, а математик-механик Королев — Харьковский университеты.

Значение ГЗИ для развития сельскохозяйственного образования, в частности для Петровской академии, не ограничивалось подготовкой агрономов — профессоров и преподавателей. В этом отношении также имел значение учебный план ГЗИ, по примеру которого был составлен учебный план Петровской академии. Составлен был учебный план академии (имеется в виду план 1873 г.) особой комиссией при участии питомцев ГЗИ — Стебута, Людоговского, Неручева и директора академии Ф. Королева, в памяти которого живы были впечатления от профессорской деятельности в ГЗИ в 1854—1858 годах. Эти лица как члены комиссии, естественно, вносили в учебный план Петровской академии полученное ими из опыта и наблюдения в ГЗИ.

В том, что учебный план ГЗИ был использован и в значительной степени повторен в учебном плане Петровской академии, можно убедиться из сопоставления учебных планов этих двух учебных заведений. Это сопоставление указывает прежде всего на такие общие, одинаковые существенные особенности учебных планов как ГЗИ, так и Петровской академии [17; 123—124]:

1) включение в учебный план дифференцировавшихся специальных сельскохозяйственных наук и их разделов: земледелия, растениеводства, луговодства, животноводства или зоотехнии, ветеринарии, сельскохозяйственного счетоводства, сельскохозяйственной экономики и др., — а не общих университетских курсов по сельскому хозяйству или общей агрономии, как это было до ГЗИ;

2) наличие в планах таких специальных сельскохозяйственных дисциплин, как технология, механика, архитектура или строительство и инженерное искусство (осушение болот), впервые включенных в учебный план ГЗИ;

3) наличие в планах предметов, являющихся основой для специальных предметов, как физика с метеорологией, химия, ботаника, минералогия, зоология, геодезия и введенная в последние годы существования ГЗИ политическая экономия;

4) 4-летний срок обучения с широким профилем выпускаемых агрономов, что имелось в 50-е годы в ГЗИ.

В то же время сопоставление показывает и некоторое отличие учебного плана Петровской академии от учебного плана ГЗИ, а именно:

1) в учебном плане Петровской академии отсутствовали такие предметы, как садоводство, огородничество, математика, черчение, законоведение, русская словесность и иностранный язык, которые были в учебном плане ГЗИ; упразднение этих предметов в Петровской академии было в результате отказа от многопредметности, которая преодолевалась в последнем учебном плане ГЗИ путем перевода некоторых предметов в факультативные;

2) лесная специальность, установленная в последнем учебном плане ГЗИ не как самостоятельная, а дополнительная к агрономической, в Петровской академии получила самостоятельное отделение, параллельное с агрономическим, просуществовавшее при академии до 1889 года, когда Петровская земледельческая и лесная академия была преобразована в Петровскую сельскохозяйственную академию;

3) в учебном плане Петровской академии приняты иные термины, чем в плане ГЗИ: общее и частное земледелие — вместо земледелия и растениеводства, зоотехния — вместо животноводства или скотоводства, сельскохозяйственная экономия — вместо сельскохозяйственного счетоводства и устройства хозяйства. В отношении данного расхождения следует отметить еще не установившуюся в то время терминологию. Стебут, например, в 1861 году во вступительной лекции в ГЗИ рекомендовал себя профессором растениеводства, а в 1866 году в такой же лекции в Петровской академии — профессором земледелия и в то же время преподавал учащимся один и тот же материал. Термин «зоотехния» (наука о разведении животных) предложил Стебут во вступительной лекции в ГЗИ, называя одновременно науки, связанные с выращиванием хозяйственных растений (почвоведение, удобрение и др.), фитотехнией. Название же предмета в учебном плане академии «сельскохозяйственной экономией» явилось в результате обобщения сельскохозяйственных экономических дисциплин ГЗИ; кстати сказать, зачинателем сельскохозяйственной экономии в Петровской академии был питомец ГЗИ — профессор Людоговский.

К данному сопоставлению учебных планов теоретического обучения в ГЗИ и Петровской академии необходимо добавить, что практическое обучение в Петровской академии, имевшей около Москвы усадьбу в 654 десятины земли, из которых около 100 десятин находилось под пахотой и сенокосом, было направлено на экономическую, коммерческую сторону главным образом помещичьего хозяйства [17; 97—98, 112] и имело более ограниченный характер, чем в ГЗИ, уделявшем значительное внимание окружающим его крестьянским хозяйствам и располагавшем 3 фольварками с более чем 500 десятинами пашни и сенокоса.

Сопоставительный анализ учебных планов ГЗИ и Петровской академии показывает не только влияние ГЗИ на учебное устройство Петровской академии, но и то, что по подготовке агрономов ГЗИ не уступал Петровской академии. Равноценность агрономов, окончивших ГЗИ и Петровскую академию и пользовавшихся одинаковыми служебными правами, была отмечена Министерством земледелия (в это министерство было переименовано МГИ в 1894 году), которое в 1898 году, к 50-летию основания ГЗИ, предоставило окончившим ГЗИ право наравне с окончившими Петровскую академию носить особый академический знак, принятый уставом академии 1889 года [23; 402]. Это было сделано главным образом профессором И. А. Стебутом, который в это время был председателем Ученого комитета при министерстве и который хорошо знал по собственному опыту постановку учебного дела, а так-

же уровень знаний и работу окончивших ГЗИ и Петровскую академию. Право носить академический знак было предоставлено и окончившим Петербургский земледельческий институт; окончившие же Ново-Александровский институт этого права не получили, так как этот институт, имевший трехлетний срок обучения, не относился к высшим учебным заведениям и только в 1892 году с приходом в него в качестве директора профессора В. В. Докучаева получил четырехлетний курс обучения и был уравнен в правах с Петровской академией.

Кроме подготовки профессоров-агрономов для университетов и Петровской академии, кроме разработки учебного плана, по образцу которого составлялись учебные планы Петровской академии и отчасти Ново-Александровского института, ГЗИ способствовал укреплению и развитию высшего сельскохозяйственного образования в России и своим Положением 1848 года.

Это Положение, составленное, как указано выше, на основе университетского устава и создавшее в Горках высшую сельскохозяйственную школу университетского типа, было первым законом о самостоятельной высшей сельскохозяйственной школе в России и исходным образцом для дальнейших законоположений о высшей сельскохозяйственной школе.

О преемственной связи Положения ГЗИ 1848 года с законоположениями Петровской академии можно судить по следующей сводной таблице (26) правил, взятых из законоположений о высшей сельскохозяйственной школе с 1848 года по 1894 год и касающихся устройства студентов. Эта таблица отражает сущность каждого законоположения и состояние высшего сельскохозяйственного образования в течение второй половины XIX века [23; 43, 87, 145, 204, 294, 353].

Анализируя приведенную таблицу, следует отметить, что:

1) в законоположениях ГЗИ и Петровской академии имются одинаковые или близкие между собою правила: прием учащихся, срок обучения, декан—помощник директора по учебной части, форма одежды, одно из двух званий при окончании, что свидетельствовало о преемственной связи названных школ, организованных на основе университетского устава;

2) законоположение высшей сельскохозяйственной школы видоизменялось каждое десятилетие: менялся тип школы из закрытой в открытую и снова в закрытую; менялись названия школы (институт—академия—институт) и законов (положение—устав—положение); менялось обеспечение учащихся постепенным увеличением платы за учение и общежитие, и тем затруднялся прием в высшие сельскохозяйственные школы детей малосостоятельных слоев населения; менялись аспирантура и право присвоения ученой степени и др.; эти изменения вызывались пересоставлением университетского устава в 1863 и 1884 годах, на основе которого составлялись законы о высшей сельскохозяйственной школе, а также и усиливавшимся революционным движением в стране и высшей сельскохозяйственной школе;

3) из приведенных законоположений выделяется своим демократическим содержанием устав Петровской академии 1865 года: принимались в академию все желающие без вступительных экзаменов, срок пребывания в академии не был ограничен, отсутствовал надзор за слушателями (так назывались зачисленные в академию) со стороны администрации и преподавателей академии.

По уставу 1865 года Петровская академия выделилась своей струк-

турой не только среди сельскохозяйственных высших учебных заведений, но и среди всех современных ей высших школ. Идея демократизации науки, идея о науке, в особенности сельскохозяйственной, как достояние всего народа нашла себе своеобразное осуществление в уставе 1865 года. Известный писатель В. Г. Короленко, учившийся в академии в 70-е годы, считал, что в этом уставе были высказаны «все надежды, оживлявшие интеллигенцию освободительного периода... Свобода изучения и вера в молодые силы обновляющейся страны — таковы были основания устава» («История моего современника», 1954, стр. 126).

В то же время следует отметить, что появление устава 1865 года не было чем-то неожиданным. Этот устав находился в некоторой преемственной связи с Положением ГЗИ 1859 года, в котором были следующие правила, отличавшие его от Положения 1848 года и близкие по своей демократичности к уставу 1865 года: предоставление права студентам жить на частных квартирах, как в открытом учебном заведении, чтение публичных лекций преподавателями ГЗИ, облегчение приема учащихся, в особенности лиц с практическим сельскохозяйственным стажем, и прием вольнослушателей. Эти правила из Положения ГЗИ 1859 года были первыми ростками, получившими затем развитие в уставе 1865 года, по которому академия стала заведением широко открытым для всех желающих слушать лекции по сельскому хозяйству.

Весьма важно было также участие в составлении устава 1865 года питомцев ГЗИ А. В. Советова и Н. Н. Скворцова. Среди «интеллигенции освободительного периода» Короленко называет только «одного из творцов» устава — П. Ильенкова, профессора Петербургского университета, члена особого комитета при МГИ по составлению устава, а затем профессора Петровской академии. Вместе с П. Ильенковым, членом комитета по уставу 1865 года и одним из авторов этого устава, был его товарищ по Петербургскому университету профессор А. В. Советов [17: 99], демократические взгляды которого вырабатывались в годы обучения и преподавания в ГЗИ.

Сочувствие Советова демократизации сельскохозяйственной науки в это время проявилось и в его чтении лекций вместе с Д. И. Менделеевым в Вольном университете при Петербургской городской думе и организации этого университета, напоминающего собою Петровскую академию 1865 года [84-а]. Демократические принципы устава получили также поддержку и одобрение у товарища Советова по обучению в ГЗИ, инспектора сельского хозяйства МГИ Н. Н. Скворцова, который еще до утверждения устава сочувственно отзывался в «Журнале МГИ» (август, 1861) о предстоящем открытии Петровской академии и популяризовал ее как научное учреждение, широко открытое для всех сословий и всех возрастов и дающее возможность науке «глубоко проникнуть в народную экономию».

Но одновременно с надеждами передовой интеллигенции, как П. Ильенков, А. Советов, Н. Скворцов и др., на широкое распространение сельскохозяйственных знаний и тем повышение сельского хозяйства при помощи демократического устава Петровской академии устав 1865 года получил поддержку и со стороны консерваторов, и столичных бюрократов, но по совершенно иным соображениям. Реакционный публицист Катков в «Московских ведомостях» осуждал устав академии 1865 г. как «фантастический проект и громадный опыт в области педагогики» [101]. Министры Муравьев, а затем Зеленой, утверждая проект устава и самый

устав, предполагали, что в Петровской академии будут учиться только дворяне-помещики, а не малограмотные крестьяне и несостоятельные разночинцы. Кроме того, по их мнению, при упразднении звания «студент» и студенческой корпоративности прекратятся студенческие волнения. Из таких же реакционно-консервативных расчетов был разработан некоторыми членами действовавшей в это время (1860—1863) комиссии по университетскому уставу проект университетского устава, подобный уставу академии; но проект этот был отклонен большинством членов университетской комиссии [66; т. II, 246; 603].

Между тем Петровская академия по уставу 1865 года в действительности оказалась общедоступным сельскохозяйственным лекторием, а не высшей сельскохозяйственной школой, так как в ней не было: а) учебного плана по годам и полугодиям; б) учащихся-студентов (были только слушатели); в) переводных с курса на курс экзаменов; г) участия администрации и преподавателей академии в жизни и занятиях слушателей во внелекционное время — т. е. не было главных признаков учебного заведения. Будучи лекторием, академия все-таки ставила себе и учебную задачу — подготовить слушателей к экзаменам для получения дипломов на кандидата и магистра сельского хозяйства, но при отсутствии указанных учебных условий не имела успеха в этой задаче, и число окончивших академию оказалось крайне незначительным: с 1865 по 1873 года прослушали все положенные предметы и сдали по ним экзамены на звание кандидата сельского хозяйства всего 12 человек, что составляло 0,9 процента всех слушателей академии за указанные годы [17; 120, прил. VI]. В 1873 году был составлен новый устав, перестроивший Петровскую академию из лектория в высшее учебное заведение на основе Положения ГЗИ с 4-летним сроком обучения, с обычными для устава специального высшего учебного заведения правилами о студентах, о вольнослушателях, экзаменах, декане и т. д.

Преемственная связь ГЗИ и Петровской академии в учебных планах и законоположениях обуславливалась принадлежностью этих высших школ одному и тому же ведомству, связанному с сельскохозяйственной специальностью, именно МГИ. Деятельность МГИ, в частности его департамента сельского хозяйства и Ученого комитета, благодаря различным типам сельскохозяйственных школ в Горках: высшей — ГЗИ, средней — ГЗУ и низшей — учебной ферме — стала в середине XIX века авторитетной и более компетентной в деле сельскохозяйственного образования, чем деятельность МНП, которое претендовало на руководство сельскохозяйственным образованием при его зарождении и ведало кафедрами сельского хозяйства в университетах и Ново-Александровским институтом. Возросшая авторитетность и значение МГИ в сельскохозяйственном образовании были признаны и правительством в 80-е годы при передаче высших учебных заведений из разных ведомств в общее ведение МНП, стремившегося установить единые правила для учащихся и согласовать учебные планы средней и высшей школы. В то время, как сверстники ГЗИ — Петербургский технологический институт и Московское высшее техническое училище, ставшие в 60-е годы высшими школами — были переданы (первый — из Министерства финансов, а второе — из Опекунского Совета) в ведение МНП, Петровская академия была оставлена в прежнем ведомстве, в МГИ [39; 625]. Передача названных школ в ведение МНП была не в их пользу, так как в Ученом комитете МНП не было соответствующих специалистов, тогда как оставление Петровской академии в МГИ, располагавшем своим Ученым коми-

тетом и разветвленной сетью сельскохозяйственных учебных заведений, способствовало развитию сельскохозяйственных знаний. В дальнейшем деятельность МГИ, а с 1894 года Министерства земледелия (в которое было переименовано МГИ) приобретала все большее значение в деле сельскохозяйственного образования, так что в 1912 году самому МНП пришлось передать из своего ведомства в Министерство земледелия Ново-Александровский институт, которым оно ведало с года его основания (1862).

Значение ГЗИ не ограничивается распространением и укреплением в России сельскохозяйственного образования. ГЗИ, как единственная высшая сельскохозяйственная школа, был вместе с тем и центром сельскохозяйственной науки. На специальном опытном поле, первом в России сельскохозяйственном опытном учреждении, проводились сельскохозяйственные опыты и исследования. Они проводились или по предложениям Ученого комитета МГИ, присылавшего в ГЗИ соответствующий материал, или по рекомендациям русской и зарубежной сельскохозяйственной литературы, или по инициативе самих преподавателей. Опыты, описанные в «Записках ГЗИ», встречали отклик как в общей, так и в специальной печати и, таким образом, имели значение, выходящее за пределы ГЗИ.

По примеру опытного поля при ГЗИ были устроены опытные поля при Петровской академии (1865) и Ново-Александровском институте (1881). Организатором опытного поля Петровской академии был профессор И. А. Стебут, использовавший в этом деле свой опыт по устройству такого же поля в ГЗИ. По предложению И. А. Стебута место, отведенное в Петровской академии для опытного поля и оказавшееся неудобным, было заменено в 1875 другим; он составил и первый организационный план этого поля по разработке приемов повышения урожайности и по выяснению факторов, влияющих на урожайность [51; 203]. Вскоре опытные поля в виде сельскохозяйственных опытных станций были основаны независимо от сельскохозяйственных учебных заведений, в различных сельскохозяйственных зонах: в губерниях Полтавской, Вятской, Одесской и др.

Известность ГЗИ в области сельскохозяйственной науки проявилась, в частности, в обращении Петербургской академии наук к профессору ГЗИ Целлинскому дать отзыв на сочинение Пузанова «О земледелии и скотоводстве в России» и награждение Целлинского за стыв золотой медалью, что описано выше.

Деятельность ГЗИ в области сельскохозяйственной науки заключалась также в подготовке профессоров по сельскохозяйственной специальности.

До основания ГЗИ подысканием таких профессоров занималось МНП, в особенности когда потребовалось от профессоров в университетах ученая степень по сельскохозяйственной специальности (см. гл. 4). Хотя вскоре и появились защитившие диссертации на магистерскую степень по сельскому хозяйству, но так как университеты, кроме Петербургского, оставались без профессоров сельского хозяйства, то для их подготовки МНП направило несколько человек из окончивших университеты за границу, главным образом в Гогенгеймский земледельческий институт, для изучения сельского хозяйства [89; 1844, № 1, Русские, образующиеся по сельскому и лесному хозяйству в Гогенгеймском институте].

Таблица 27

Университетские профессора сельского хозяйства середины XIX в. из числа окончивших университеты и бывших в 40-е годы в командировке за границей

Фамилия	Окончил университет	После командировки профессор сельского хозяйства	
		в университете	в томе
Железнов Н. И.	Петербургский	Московском	1847—53
Кочетов В. А.	"	Харьковском	1845—72
Ходецкий С. М.	"	Киевском	1853—86
Калиновский Я. Н.	Харьковский	Московском	1853—72
Линовский Я. А.	Киевский	"	1844—46
Якубовский И.	Дерптский	Киевском	1847—51
Преображенский П. М.	Московский	Директор и преподаватель Московской земледельческой школы	1844—62

Из названных лиц Железнов был послан за границу уже магистром ботаники (он защитил диссертацию «О развитии цветка и яичка в растении» в 1840 г.) и получил известность ботаника, а впоследствии был первым директором Петровской академии; Преображенский, не защитив диссертации (он окончил медицинский факультет), проявил себя, кроме работы в школе, трудами по сельскому хозяйству, как «Общепонятное руководство к практическому сельскому хозяйству» (1855—1857) и др.

Таким образом, перед основанием ГЗИ из среды окончивших университет вышло 6 профессоров. Но как эти, так и последующие профессора сельского хозяйства из университетов не могли оправдать себя на кафедре сельского хозяйства, так как, изучив сельское хозяйство за границей, они не имели достаточных знаний о его состоянии в России; кроме того, из-за отсутствия при университетах учебных хозяйств они не в состоянии были заняться практическим обучением студентов, а ограничивались чтением лекций и собственными лабораторными исследованиями по сельскому хозяйству. Поэтому-то университеты во вторую половину XIX века, как и в предыдущие годы, самостоятельно не подготовили и не выпустили ни одного агронома-практика.

Это признали как сами тогдашние университетские профессора сельского хозяйства, так и другие исследователи. А.Е. Зайкевич, профессор агрономии Харьковского университета (после Кочетова), говоря о деятельности своей кафедры, в начале XX века писал, что агрономия в Харьковском университете «за сто лет сделала чрезвычайно слабый прогресс, и развитие ее далеко не шло в уровень с развитием агрономической науки вообще и с развитием других наук в университетах в частности» [44-3; 356]. Объяснял это Зайкевич неустойчивым положением агрономии в университетах как предмета то обязательного одно время для студентов-юристов, то необязательного даже для естественников, что вызвало в университете попытку заменить агрономию физиологией животных. В Одесском же (Новороссийском) университете из-за плохого посещения студентами занятий по агрономии в 70-е годы предполагалось закрыть эту кафедру.

Современный исследователь Н. А. Качинский, подводя итог истории преподавания сельского хозяйства в Московском университете за первые 120 лет, отмечает только некоторые успехи в ученых трудах профессоров и в то же время признает, что за истекший период в Московском университете «полностью отсутствовали полевые исследования почв, весьма скромны эксперименты лабораторного характера, а немногие теоретические обобщения по почвоведению являются чисто умозрительными» [44к; 26].

Так что в 40-е годы, до основания ГЗИ, подготовка профессоров сельского хозяйства и их последующая деятельность себя не оправдала, с открытием ГЗИ и то и другое становится более целенаправленным и действенным.

При подготовке к профессуре питомец ГЗИ командировался за границу, но не сразу после окончания ГЗИ, а предварительно направлялся в разные места России для изучения отечественного сельского хозяйства или же работал некоторое время по сельскому хозяйству в России. Так, в разное время, до командировки за границу, были направлены: Советов—в Тульскую губ., в имение Бобринского, для изучения сахароварения, а затем в Латвию и Эстонию для изучения винокурения и пивоварения; Стебут—также в Латвию и Эстонию для изучения общего состояния сельского хозяйства и др.

После ознакомления с отечественным сельским хозяйством на местах и определения избранной специализации в сельском хозяйстве агроном ГЗИ посылался за границу для изучения главным образом какой-либо одной сельскохозяйственной отрасли, что давало возможность лучше ознакомиться с состоянием сельскохозяйственной науки в других европейских странах.

Среди окончивших ГЗИ, готовившихся к научной деятельности, в заграничной командировке были следующие (указаны также годы, цель (специальность) командировки и государства, в которых был посланный):

1. Советов А. В. —1853—1854 годы; сельскохозяйственная технология, свеклосахарная промышленность и животноводство; Бельгия, Германия (Гогенгейм, лекции Пабста), Голландия, Дания, Италия, Чехословакия (Шлан, около Праги).

2. Стебут И. А. —1858—1859 годы; опыты по земледелию и методы преподавания сельскохозяйственных дисциплин; Германия (Иенский университет), Англия, Шотландия, Франция (лекции Буссенго и сельскохозяйственная выставка); 1862—Лондон, выставка.

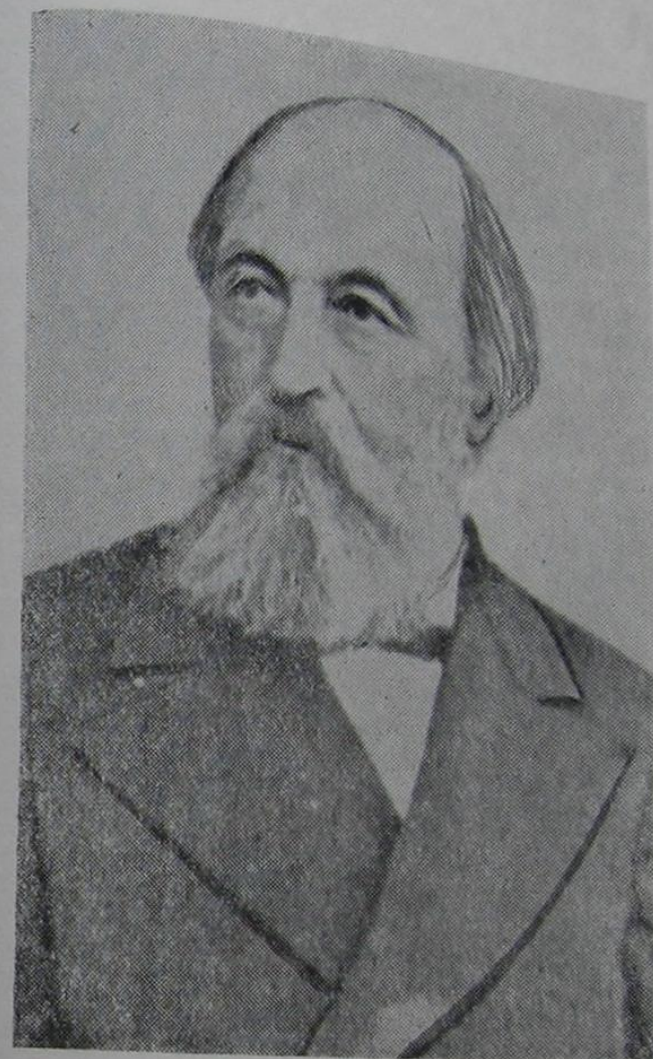
3. Козловский А. Н. — изучение дренажа, 1853 год — Германия и Бельгия, 1858 год — Англия.

4. Чернопяттов И. Н.— улучшение земель и животноводство; 1848—1849 годы; Германия (Эльденская сельскохозяйственная академия при Грейфенвальдском университете, в Пруссии).

5. Бажанов А. М. — животноводство, 1861 год; Англия, Бельгия, Германия, Франция, Швейцария.

6. Есаков А. — политическая экономия; 1860 и 1861 годы, Германия.

Четыре из названных лиц в конце 50-х и в 60-е годы защитили диссертации: Бажанов и Советов—в Московском, Стебут—в Петербургском университетах, Чернопяттов—в Петровской академии. Все они получили степень магистров сельского хозяйства. Вскоре в Петербургском университете защитили диссертации Советов — докторскую и Людоговский— магистерскую (заграничная командировка Людоговского не состоялась

СОВЕТОВ Александр Васильевич (1826—1901)—профессор Горыгорецкого института и Петербургского университета. Окончил Горыгорецкий институт в 1850 г.

из-за событий 1863 года). Из названных ранее 10 профессоров, вышедших из ГЗИ, два (Жебенко и Козловский) не успели защитить диссертации, так как были высланы из Горок по обвинению в причастности к событиям 1863 года, два (Палимпсестов и Есаков) в конце 60-х годов ушли от профессорской деятельности и один (Фальков) долгое время оставался профессором Казанского университета без ученой степени.

Семь магистров сельского хозяйства из окончивших университет, четыре магистра и один доктор из окончивших ГЗИ — это был первый отряд ученых агрономов, постепенно выделившийся в России в течение 30 лет (с 1840 по 1870 год). Чтобы судить о том, какое место занимал этот отряд из 11 магистров и одного доктора сельского хозяйства среди получавших в то время ученые степени по другим специальностям, можно отметить, что Петербургский, например, университет за такой же срок (с 1834 по 1869 год) присудил по трем своим факультетам — физико-математическому, историко-филологическому и юридическому — 150 магистерских степеней, из них 4 — по сельскому хозяйству и 60 — докторских, из них одну по сельскому хозяйству и 60 — докторских [17—XXXIV]. Физико-математический факультет Харьковского университета за это же время присудил 22 магистерские степени, из них по сельскому хозяйству и физике — по 2, по химии и технологии — по 1, по минералогии — 3, по ботанике и зоологии — по 4 и по математике — 5 [44з; 142—144]. Поэтому можно сказать, что количество ученых степеней по сельскому хозяйству в первое время было близко к числу магистерских степеней, присуждавшихся и по другим специальностям. Кроме того, следует иметь в виду, что сельскохозяйственная специальность была единственной технической специальностью, по которой присуждались ученые степени, тогда как по специальным дисциплинам, изучавшимся в Технологическом и Лесном институтах, в Техническом училище и других технических учебных заведениях, ученые степени в то время совершенно не присуждались, и что получение степеней по сельскому хозяйству поэтому сопровождалось разными препятствиями. Петровская академия, получившая право присуждения магистерских степеней по сельскому хозяйству, за 23 года (с 1866 по 1889 год) присудила только 10 магистерских степеней [17; 175].

О значении в области сельскохозяйственной науки первого отряда ученых агрономов, в числе которых видное место занимали профессора, подготовленные ГЗИ, можно судить прежде всего по их диссертациям, которые отражали современное им состояние сельскохозяйственной науки и ту интересующую нас направленность сельскохозяйственной науки, которая вырабатывалась в ГЗИ и которая была для него характерной. Для лучшего определения научной направленности ГЗИ далее приводятся в хронологическом порядке темы всех первых 13 сельскохозяйственных диссертаций, и дается краткое сопоставление диссертаций окончивших университеты и ГЗИ.

Темы первых магистерских диссертаций по сельскому хозяйству.

1. Окончивших университет:

1. О капитале в отношении к сельскому хозяйству, 1839 г., Усов.
2. Анализ нового основного налогового кадастра в Саксонии, 1841 г., Целлинский.
3. О питании культурных растений, 1843 г., Ионсон.
4. Критический разбор мнений ученых об условиях плодородия земли, 1846 г., Линовский.
5. О наружных признаках рогатого скота относительно его способ-

ности к работе, молочности, откармливанию на мясо и приплод, 1847 г., Калиновский.

6. Обзорение начал, на которых основываются способы улучшения пород домашних животных, 1848 г., Кочетов.

7. О труде в сельском хозяйстве и лесоводстве, 1850 г., Якубовский.

II. Окончивших Горьгорецкий институт.

1. О возделывании пшеницы, с описанием пород, разводимых в России, 1856 г., Бажанов.

2. Разведение кормовых трав на полях, 1859 г., Советов.

3. Известкование почв, 1865 г., Стебут.

4. О системах земледелия, 1866 г., Советов (диссертация докторская).

5. Руководство к орошению разных земельных угодий, 1869 г., Чернопятов.

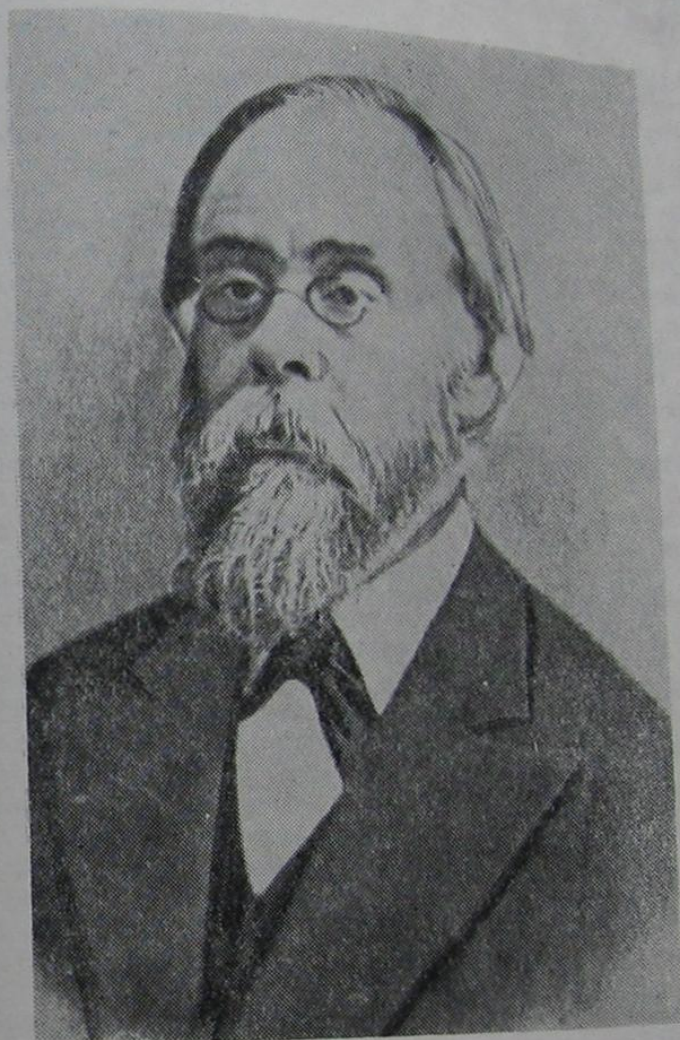
6. Подсолнечник, 1870 г., Людоговский.

Как видно из приведенного перечня тем первых диссертаций по сельскому хозяйству, темы универсантов касаются общих сельскохозяйственных проблем (капитал и труд в сельском хозяйстве, поземельный налог, питание растений, плодородие земли и др.); темы же горецких агрономов, относясь главным образом к проблемам частного земледелия (пшеница, подсолнечник, кормовые травы), специфично полеводческие и практические. О полеводческой, практической направленности диссертаций горецких агрономов можно судить не только по темам, но и на основании содержания самих диссертаций, что можно видеть из следующего краткого рассмотрения взятых для примера диссертаций, принадлежащих универсантам: Усову, Целлинскому и Линовскому — и всех названных диссертаций горецких агрономов.

Диссертация С. Усова (СПБ, 1839, 48 стр.), первая диссертация по сельскому хозяйству, защищенная в Петербурге в 1839 году, состоит из 3 разделов: 1) определение и значение капитала в сельском хозяйстве; 2) условия его выгоднейшего действия и 3) назначение «коренного», «производительного» и оборотного капиталов.

В диссертации Усов основывался на «Курсе политической экономии» (1815) Г. Шторха — русского экономиста, доказывавшего возможность сельскохозяйственного развития при крепостном праве. Применяя к сельскому хозяйству, а частично и повторяя некоторые положения из «Курса» Шторха, Усов приходил к выводу, что «сельское хозяйство основывается на капитале, без которого оно не может быть заведено и продолжено»; что «коренной» капитал — это земля или имение, посредством которого помещик заставляет действовать в свою пользу все силы в хозяйстве. К «производительному» капиталу Усов относил наряду с орудиями, строениями также и рабочие силы: людей и скот. Поставив крестьян в сельском хозяйстве на один уровень с орудиями и скотом, Усов называл их не крестьянами, а людьми, работниками, сотрудниками и рекомендовал помещикам аккуратно выполнять условия с этими «сотрудниками», чтобы «удерживать их в строгом и ревностном повиновении» и в то же время быть бережливыми, и «умножать» свои капиталы.

Диссертация Усова, стремившегося укрепить помещичье хозяйство в условиях крепостного, барщинного труда при начинавшемся промышленном капитализме, подверглась критике со стороны «Журнала МГИ» в статье М. Заблоцкого «О значении капиталов в условиях их накопления» (1842, IV, 291—306). Хотя эта статья и не называла Усова, но направленная против экономического учения Шторха, она заодно отвергала и рассуждения Усова в его диссертации. Автор статьи считал осо-

СТЕБУТ Иван Александрович (1833—1921)—профессор Горьгорецкого и Петербургского земледельческих институтов и Петровской земледельческой и лесной академии. Окончил Горьгорецкий институт в 1854 г.

бенно неправильным и осуждал отнесение крестьян к капиталу и приравнивание их к рабочему скоту. «Не нужно забывать, — говорилось в статье, — что работник, сам по себе как хозяин, есть создатель ценности, капитала противоречит высшим нравственным понятиям и оскорбительно для человечества».

Диссертация Целлинского о налоговом кадастре и ее значение рассмотрены в третьей главе данного исследования. Здесь следует отметить ее особенность по сравнению с диссертацией Усова, поскольку они были написаны почти одновременно. В то время как Усов в диссертации (1839) ставил своей задачей помочь помещичьим хозяйствам, не справлявшимся с новыми капиталистическими условиями, и, таким образом, поддерживал попытку столичных сановников, владевших поместьями в разных губерниях, организовать «Общество улучшения частных хозяйств», что описано выше, Целлинский же, наоборот, разрабатывая налоговый кадастр (1841), имел в виду ограничить помещичьи владения, укротить широкие планы помещиков путем более высокого обложения их земельным налогом, с одной стороны, а с другой — защитить крестьянское землепользование путем перевода их с барщины и оброка на помещичьи земельный налог, соответствующий их клочкам земли, и тем помочь им. Поэтому-то «Журнал МГИ» осуждал рассуждения Усова и поддерживал идею о налоговом кадастре, выдвинутую Целлинским.

Диссертация Я. Линовского, профессора Московского университета, является историко-почвоведческим очерком [100 а.—108 г.]. В первых 4 главах рассматриваются теории о плодородии земли у древних народов: греков, римлян и новейших ученых: Тэера, Павлова, Буссенго, Либиха и др.; делаются ссылки на опыты ученых Германии, Англии и других стран. На основании «Критического разбора» приведенных теорий Линовский приходит к выводу, что для плодородия земли нужны воздух, вода, теплота и навоз, соответствующему действию которых необходимо подвергать землю, т. е. ее разрыхлять, увлажнять, согревать и удобрять. В последней (пятой) главе Линовский дает некоторые общие правила для русского сельского хозяйства: глубокая и своевременная вспашка, травосеяние, четырехпольный севооборот, регулирование водного режима, установление постоянных цен на хлеб, определение отношений помещика к крестьянину и др.

Далее рассматривается содержание первых диссертаций горьких агрономов.

Диссертация «О разведении кормовых трав на полях» написана А. Советовым в последний год (1858) его пребывания в ГЗИ. Она состоит из 2 разделов [27 а; 21—219]. В первом дается история травосеяния в России, основателем которого был помещик Д. Полторецкий, применявший его в 20-е годы XIX века в имении Авчурино, Калужской губ. Выгодность и необходимость травосеяния в России, как источника кормов и плодородия почвы, доказываются русскими и зарубежными исследованиями, а также наблюдениями и опытами, лично проведенными автором на опытном поле ГЗИ, по кормлению овец белым клевером, силосованию красного клевера, урожаю тимофеевки, развитию и устойчивости клевера в полевой обстановке. Во втором разделе описываются главные кормовые культуры, разводимые в России. Диссертация Советова явилась руководством для агрономов и практиков, выдержала за 20 лет 4 издания и положила начало травопольной системе в земледелии и разработке вопросов травосеяния в русской сель-

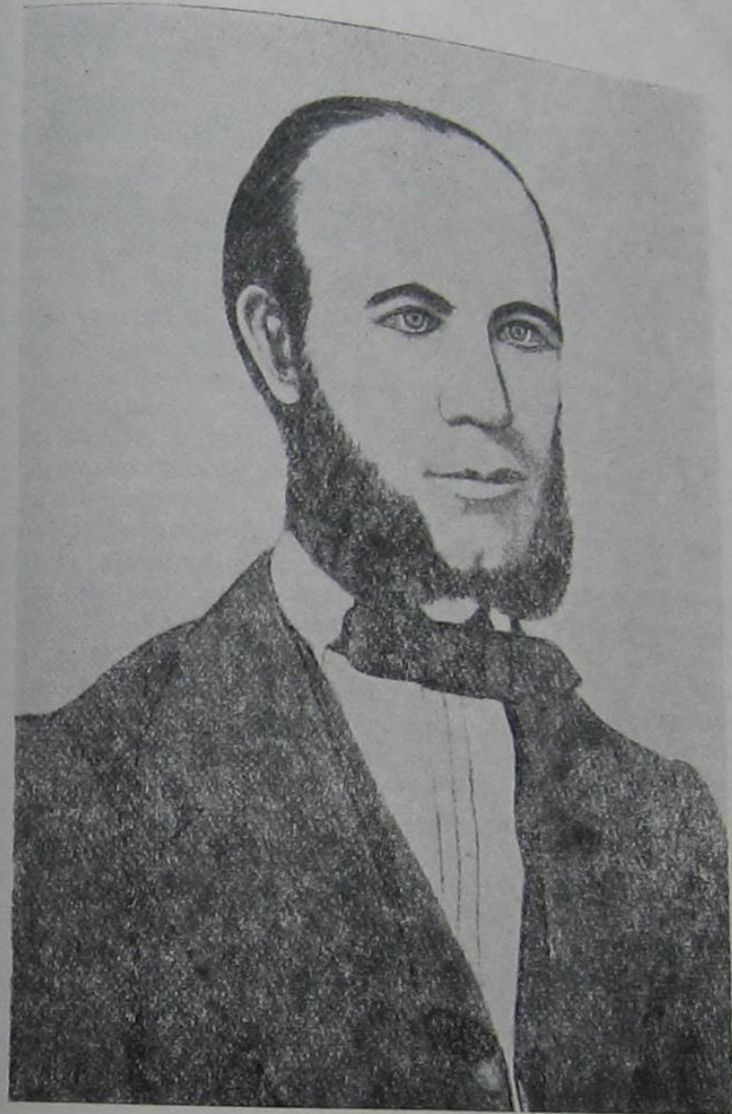
скохозайственной литературе, получившей дальнейшее развитие в трудах В. Р. Вильямса.

Диссертация «Известкование почв» написана И. А. Стебутом в последние годы его пребывания в ГЗИ на основе опытов, проводившихся им в ГЗИ над минеральными удобрениями, и изучения большого количества трудов по известкованию в основном зарубежных ученых: Буэссенго, Шпренгеля, Тэера и др. [28 б; 7—118]. Диссертация защищена им в первый год (1865) после перевода из Горок в Петербург. Она состоит из разделов: исторический очерк известкования, материал для известкования и действия его на растения, известкование в русском земледелии и приложение—минеральные вещества, употребляемые как удобрения. Начало известкования в России Стебут относит к «удачным опытам известкования в Могилевской губ.», описанным Целлинским, имея в виду его описание агропутешествия по Могилевской губ. и опыты над минеральными удобрениями, описанные в «Записках ГЗИ». Стебут останавливается на описании и анализе извести, встретившейся ему на правом и левом берегах Днепра около Орши и в других местах России. Отмечает экономичность ее применения (6 коп. за пуд) и приходит к выводу, что свойства почвы и климата в России благоприятствуют известкованию почвы. Основные положения диссертации: 1) «Истощение почвы—понятие экономическое; 2) действие извести на почву главным образом то же, что и действие механической обработки на почву; 3) настоящее состояние земледелия в России требует применения известкового удобрения в виде известкового компоста обок с углублением пахотного слоя и выгонной системой полеводства». Как показывает диссертация, Стебут в период его пребывания в ГЗИ явился родоначальником известкования почв в России. Дальнейшее развитие это мероприятие получило в трудах русских ученых XX века.

Диссертация Чернопятава по орошению земельной угодий рассматривалась как руководство академиком Н. И. Железновым, который в своем отзыве писал, что руководство Чернопятава, пополняя недостаток в подобных сочинениях в России, очень полезно при устройстве искусственного орошения [104 б].

Диссертация Бажанова «О возделывании пшеницы» была также руководством, но в меньшей степени, чем диссертация Советова, Стебута, и Чернопятава. В ней описывались ботанические различия по стеблям и зернам пшеничных образцов, имевшихся на сельскохозяйственной выставке в Москве в 1852 году [27—а; 283—284]. На основании этих различий Бажанов делил пшеницы на твердые, легко осыпающиеся при уборке, и мягкие, или обыкновенные, не осыпающиеся при уборке. Своей диссертацией Бажанов оказал влияние на окончившего Московский университет Н. Ляковского, который также на основании изучения пшениц Московской сельскохозяйственной выставки 1864 г. «О химическом составе пшеничного зерна» (1865) написал диссертацию.

Диссертация Людоговского «Подсолнечник» с подзаголовком «приятие, распределение и движение минеральных питательных веществ в связи с образованием органических веществ» состоит из 3 глав, в которых имеются 42 таблицы с результатами анализов подсолнечника в различных стадиях его развития: в листьях, стеблях и головке—и делается вывод, что органические вещества подсолнечника вырабатываются главным образом в последний период произрастания. Работа Людоговского имела практическую цель—способствовать культуре этого масличного растения в виду повысившегося спроса и цены на подсолнеч-

ЧЕРНОПЯТОВ Илья Никитич (1822—1879) — профессор Лесного института в Петербурге и Петровской земледельческой и лесной академии.

Окончил высший разряд Горыгорецкой земледельческой школы в 1846 г.

ное масло (в Москве в 1870 году, фунт конопляного масла стоил 14 коп., коровьего—25 коп. и подсолнечного—26 коп.). Печать отозвалась о книге Людоговского как о полезном издании для лиц, заинтересованных в развитии подсолнечника [Труды ВЭО, 1870 г., т. II].

Диссертация Советова «О системах земледелия» отразила антикрепостническую, полеводческую направленность, которую получила антикрепостничеству и работе в ГЗИ [27 а; 241—423]. Тема диссертации Советова различна и сложилась у Советова, несомненно, под влиянием изучения различных систем и севооборотов на обширных полях ГЗИ и на узких полосках окрестных крестьян. Этот труд показал Советова как ученого и практика. Когда Д. И. Менделеев, его оппонент во время диспута на защите диссертации, отметил, что среди систем Советов не назвал систему, основанную на минеральном удобрении, то Советов не назвал чуждым тоном возразил: «Дмитрий Иванович! Полевой обстановки, самым убежденным тоном возразил: «Дмитрий Иванович! Помилуйте! Да какая же это система? Кабинетная, лабораторная!» [29; 20].

Данная диссертация Советова — агроэкономическое исследование различных систем землепользования в России, начиная с самой древнейшей подсечно-огневой и кончая современной автору плодопеременных систем. Исследование составлено на основании древнерусских исторических памятников: летописей, законодательных актов и современной историко-экономической литературы, а также по собственным наблюдениям над сельскохозяйственной жизнью страны. Одним из основных положений исследования является утверждение Советова, что системы земледелия изменяются от экономических условий. Исследование выдвинуто также защитой крестьянских интересов, уважением к крестьянскому труду и осуждением крепостного права, тормозившего развитие сельского хозяйства и охранявшего трехпольную систему. «Крепостное состояние,—пишет Советов в диссертации,—самый главный тормоз всякого прогресса в сельском хозяйстве. Падает это состояние, падает и его верная спутница—трехпольная система» [27 а; 382]. Хотя Советов и ошибся в своем утверждении о падении трехполья, так как пережитки крепостничества оказались настолько сильны, что изжившее себя трехполье сохранилось и после падения крепостного права, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, но его сочинение «О системах земледелия», включенное в «Избранные сочинения» (1950), не утратило своего значения и в настоящее время. Современный исследователь С. С. Соболев пишет: «Когда сейчас читаешь эту книгу, в которой обобщен вековой опыт нашего народа, то чувствуешь, какой любовью к родине и какой ненавистью к крепостничеству горит Советов—передовой деятель русской агрономии прошлого века» [103; 370].

Приведенный анализ диссертаций питомцев ГЗИ говорит о их полеводческом, практическом, а вместе с тем и антикрепостническом содержании.

Состояние животноводства при ГЗИ было менее удовлетворительным, чем полеводства, и значение ГЗИ в зоотехнической науке было слабее. Учебное хозяйство ГЗИ, хотя и располагало племенными породами крупного рогатого скота (70 голов) и овец (до 1000), конским заводом (40 голов), но не приносило должных результатов. Бессистемность в снабжении хозяйства племенными породами [12; 40—45], непригодность этих пород к местным условиям при отсутствии надлежащего ухода, недостаточное внимание местным породам скота, которого было в 3 раза меньше приобретенного со стороны— все это за-

трудняло использование фермского скотоводства при ГЗИ в учебно-научном и хозяйственном отношениях и привело его к убыточности и не-успеху. Неудача с рассадником племенного скотоводства в ГЗИ отозва-лась на организации скотоводческого хозяйства в Петровской академии, которая начала было по примеру ГЗИ приобретать разные племенные породы скота и устраивать конский завод. МГИ, основываясь на опыте ГЗИ, предложило Петровской академии отказаться от этого, а «содер-жать при ферме главным образом молочный и племенной голландский скот», уничтожить коммерческое овцеводство и конский завод, как убы-точные, и «ограничиться содержанием хороших рабочих лошадей, исклю-чительно с хозяйственной целью» [24; 36—37.—17; 144].

Но, несмотря на неудачу в конечном результате с племенным рассад-ником при ГЗИ, все же наличие в учебном хозяйстве ГЗИ большого количества скота приносило некоторую пользу, что нашло отражение и в научных трудах. Так, два названных выше питомца ГЗИ—Бажанов и Чернопятов—интересовались вопросами животноводства при обучении в ГЗИ и при командировке за границу, а приступив к профессорской деятельности, занялись преподаванием животноводства и составили по нему научные труды.

Бажанов, состоя преподавателем Московской духовной семинарии в первый год по окончании ГЗИ, составил «Популярное наставление об уходе за рогатым скотом со времени рождения до совершенного воз-раста» (1852). «Наставление» первоначально было помещено в москов-ском «Журнале сельского хозяйства», а затем издано отдельной брошю-рой. После назначения в Петербургский земледельческий институт про-фессором зоотехнии Бажанов составил «Руководство к разведению круп-ного рогатого скота применительно к климатическим и сельскохозяйст-венным условиям России» (1867). Бажанову принадлежит также книга «Что можно заимствовать у иностранцев по части земледелия?» (СПб, 1863, 209 стр.), написанная им после командировки за границу.

Чернопятов, будучи профессором зоотехнии в Петровской академии, следуя примеру своего учителя в ГЗИ Михельсона, был сторонником улучшения местного скота путем правильного воспитания и кормления, что и развивал в своем труде «Скотоводство в северных и средних гу-берниях России и меры к его улучшению» (1872). Кроме того, Черно-пятову принадлежат работы по овцеводству: «О шерсти овец в хозяй-ственном и фабричном отношениях» и «Исторический очерк тонкорун-ного овцеводства в России и обозрение нынешнего положения его» (1873).

Опубликованные зоотехнические работы Бажанова и Чернопятова о разведении и улучшении рогатого скота в различных сельскохозяйст-венных зонах России имели более производственно-практическое значе-ние, нежели названные выше также зоотехнические диссертации окон-чивших университет—Калиновского о наружных признаках работоспо-собности и молочности рогатого скота и Кочетова об основных началах улучшения домашних животных.

Труды Чернопятова по овцеводству появились в результате изучения им этой отрасли скотоводства в ГЗИ и при командировке за границу. Овцеводство же, главным образом мериновое, имело в ГЗИ наиболь-шее значение и успех среди других видов скотоводства при учебном хозяйстве [92; кн. 3.—89; 1863, XI—XII]. Овцы-мериносы, лучше дру-гих пород приживавшиеся в фольварках Иваново и Пуплы, содержались не столько с учебной, сколько с коммерческой целью, как доходная

БАЖАНОВ Алексей Михайлович (1820—1889)—профессор Горьгорецкого и Петербургского земледельческих институтов. Окончил Горьгорецкий институт в 1851 г.

статья. Шерсть, вырабатывавшаяся в ГЗИ, получила высокую оценку на выставках (табл. 28) и поступала в продажу в России и за границу. На шерстяной ярмарке в Риге ежегодно продавалось от ГЗИ около 50 пудов мериносовой шерсти по 28—30 руб. за пуд.

Таблица 28

Выставки, на которых была премирована шерсть, выработанная в ГЗИ [89; 1863, XI—XII]

Место и название выставки	Год	Премия (медали)
Петербург, при Вольном экономическом обществе	1850	Серебряная
Москва, при Московском обществе сельского хозяйства	1852	Золотая
Лондон, международная	1852	Бронзовая
Горы-Горки на сельскохозяйственном съезде при ГЗИ	1857	Золотая
Смоленск, при открытии сельскохозяйственного общества	1858	Золотая
Петербург, при Вольном экономическом обществе	1860	Золотая
Лондон, международная	1862	Бронзовая
Петербург, мануфактурная	1849	Похвальные
Варшава, сельскохозяйственная	1857	листы

Кроме известности шерстью, овцеводство при ГЗИ получило популярность и благодаря школе овчаров, набиравшихся из учеников фермы. Эта школа выпустила за время своего существования (1842—1862 гг.) 29 «отличных овчаров, разбиравшихся нарасхват», как говорится в статье по итогам овцеводства в ГЗИ. Овчары получали у помещиков по 100—150 руб. в год на готовом содержании.

Кроме подготовки ученых полеводов и животноводов, ГЗИ положил начало научной разработке сельскохозяйственного машиноведения и меллиорации—наук, связанных с полеводством.

Изучению сельскохозяйственного машиноведения в ГЗИ отводилось значительное место: 1) по учебному плану изучались общая, прикладная и сельскохозяйственная механика и в большом объеме математика; 2) имелся кабинет отечественных и зарубежных сельскохозяйственных орудий и машин, поступивших с выставок России, Англии, Франции и США (описаны в «Записках ГЗИ») и 3) была устроена на ферме мастерская, которая ремонтировала и изготовляла плуги, сеялки, бороны и другие орудия как для ГЗИ, так и для частных лиц. Признание важности сельскохозяйственного машиноведения в деле сельскохозяйственного образования вызвало также основание при ГЗИ в 1859 году специального чугунолитейного завода, первого и единственного завода такого типа в Могилевской губ., для производства плугов, веялок, молотилок и других сельскохозяйственных орудий. Из-за событий 1863 года завод начал действовать с 1872 года, когда при нем было открыто ремесленное училище, и обслуживался вначале 17 мастерами, 42 рабочими и 36 учениками ремесленного училища [47; 2 кн., 262—64].

Значительное внимание сельскохозяйственному машиноведению способствовало как студенческим работам о плуге, напечатанным в «Записках ГЗИ», так и научным исследованиям преподавателей. Ф. Н. Королев, окончивший Харьковский университет и защитивший в нем диссертацию по механике на степень магистра математики, по избрании

адъюнкт-профессором математики и механики в ГЗИ нашел в нем благоприятную обстановку для применения своих университетских знаний в сельскохозяйственной практике. ГЗИ для Королева оказался как бы второй после университета школой, выработавшей в нем специалиста машиноведа-агронома, каким он остался во всей своей последующей профессорской деятельности — с 1858 года в Московском ремесленном училище [38; 31] и с 1870 года в Петровской земледельческой академии, где он преподавал механику применительно к сельскому хозяйству, занимаясь одновременно вопросами сельскохозяйственного строительства и сельскохозяйственного образования. Научные труды Королева: «Отчет по отделу машин и орудий Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве 1864 года» (1871), составленный им как председателем экспертной комиссии по оценке выставочных экспонатов, «О пахальных орудиях. О молотилках и др.», «Руководство к льновозделыванию» (1881) и др., — несомненно, результат сельскохозяйственного направления в механике, которое выработывалось у него в годы научно-педагогической работы в ГЗИ (1853—57). Так что ГЗИ подготовил в лице Королева одного из первых машиноведов-агрономов и деятеля по сельскохозяйственному образованию.

Основание чугунолитейного завода в годы, когда зарождалось отечественное машиностроение, следует также признать фактом большого значения в истории ГЗИ для развития сельскохозяйственного машиностроения.

Важное значение для сельского хозяйства имело также устройство профессором А. Н. Козловским впервые в России дренажа с помощью гончарных труб, изготовленных на заводе при ГЗИ. По свидетельству доцента Б. И. Яковлева, ныне заведующего кафедрой сельскохозяйственной мелиорации Белорусской сельскохозяйственной академии, дренаж был заложен в ГЗИ настолько тщательно и со знанием дела, а трубы так хорошо сохранились, что теперь, через 100 лет после устройства, удалось его восстановить и привести в действие. «Восстановление этой уникальной системы, — пишет Б. И. Яковлев, — имеет не только историческое, но и прямое научное и производственное значение» [109-а; 85.—Сов. Белоруссия, 1960, № 38].

При определении значения ГЗИ в области сельскохозяйственной науки и сельского хозяйства нельзя не вспомнить также о некоторых ранее названных работах в этой области других воспитанников ГЗИ. Таковы работы по исследованию сельского хозяйства в различных местах России: 1) Афанасьева Н. «О поземельном богатстве Воронежской губ.», «Записки ГЗИ», 1856; 2) Дубенского Н. «О производительности, доходности и ценности земель Владимирской губ.», 1859 и «Оценка земель Западного края, в частности Могилевской губ.», 1865; 3) Капустина Н. «Тонкорунное овцеводство в Екатеринославской губ.», «Записки ГЗИ», 1855; 4) Краинского В. «Сравнительная организация хозяйств Курской губ., Белгородского уезда и Тульской губ., Богородицкого уезда», 1878; 5) Людоговского А. «Материалы для сельскохозяйственного описания Московской губ.», 1863; 6) Мицуля М. «Сахалин в сельскохозяйственном отношении», 1873; 7) Черемшанского В. «Описание Оренбургской губ. в хозяйственно-статистическом и этнографическом отношении», 1859; 8) Чоловского К. «О растительном царстве Могилевской губ.» и др.

Эти работы, раскрывавшие не описанные доселе сельскохозяйственные особенности разных областей России, в то же время свидетельствовали, что воспитанники, прошедшие школу Целлинского, Советова, Ко-

ЛЮДОГОВСКИЙ Алексей Петрович (1840—1882)—профессор Петербургского земледельческого института и Петровской земледельческой и лесной академии.
Окончил Горыгорецкий институт в 1861 г.

ролева, Стебута, Михельсона и других преподавателей ГЗИ, не только понимали, насколько важно для агронома знание сельскохозяйственных условий и особенностей своего участка, но и умели подойти к их углубленному изучению.

Таким образом, число окончивших ГЗИ, занятость большинства из них сельским хозяйством, педагогическая деятельность некоторых, научные труды по полеводству и другим отраслям сельскохозяйственной науки и по связи этой науки с практикой — все это показывает, что ГЗИ оправдал свой, ранее названный символ — плуг: произвел глубокий сдвиг в том состоянии сельскохозяйственного образования и науки, в котором они находились до ГЗИ, когда образование носило рецептурный характер, подготавливая приказчиков, старост и других младших работников в сельском хозяйстве, когда изучались или неопределенная теория хлебопашества, или один общий курс сельского хозяйства.

Этот вывод подтверждается также той вполне справедливой оценкой значения ГЗИ для сельскохозяйственной науки и для сельского хозяйства, которую дал А. В. Советов в своем очерке сельскохозяйственной науки в России в XIX веке. «Преподаватели института, — писал Советов, — можно сказать, положили основание научной постановке некоторых отраслей сельского хозяйства в России... Горьгорецкий институт был долгое время проводником научного сельского хозяйства, и его влияние в этом направлении, несомненно, имело значение в лице его питомцев, расходившихся по всей России» [27 б].

Одним из важнейших обстоятельств, благоприятствовавших научно-образовательной и антикрепостнической деятельности ГЗИ, была его обширная территория, окруженная крестьянскими хозяйствами.

Между тем некоторым столичным крепостникам не нравилась сельская обстановка ГЗИ — источник его антикрепостнической направленности, и они старались показать обстановку института в отрицательном свете, считая ее глушью, захолустьем, в котором не место высшей школе. Особенно часто стала повторяться такая характеристика местности ГЗИ после прихода в МГИ крепостника М. Н. Муравьева. Поэтому-то МГИ и не пыталось устранить один из наиболее заметных признаков глуши — это бездорожье: проселочная 40-верстная дорога, отделявшая ГЗИ от Орши, от проходившей здесь шоссированной магистрали Петербург—Киев, так и оставалась неудобной, не всегда проезжей дорогой во все время существования ГЗИ.

Если же внимательно присмотреться к перемене, которая произошла в местной обстановке после основания ГЗИ, то никак нельзя назвать местность ГЗИ захолустьем, даже и при бездорожье.

Действительно, до основания ГЗИ и ГЗИ местечко Горки и его окрестности были заброшенной, крайне отсталой провинцией со сплошной неграмотностью, знахарством, корчмами и питейными домами. Появившиеся здесь сначала помещик Соллогуб и его управляющие, а затем, после конфискации имения, губернские чиновники озабочены были только учетом населения и взыванием податей.

После же основания ГЗИ и других учреждений при нем эта глухая провинция постепенно преобразовывалась, а м. Горки становилось культурным уголком, который превосходил сотни тогдашних уездных центров своими учебными заведениями, не только обслуживавшими отдельные места России, но и вносящими культуру в ближайшие окрестности. Больница и врач при ГЗИ, обслуживавшие крестьян школьного имения, ветеринарная клиника и ветеринарный врач, помогавшие животновод-

ству окрестных крестьян, ремонтная мастерская сельскохозяйственных машин при ферме, школа для крестьянских детей (кроме учебной фермы) и школа для детей служащих ГЗИ, студенческо-профессорский клуб при участии окрестных жителей и с библиотекой из современной литературы, постоянное общение преподавателей и студентов с крестьянами — все это превращало Горки в провинциальный рассадник просвещения, техники, лечебной помощи для крестьян бывшего Горыгорецкого имения и не позволяет называть Горки захолустьем. Культурно-просветительная работа преподавателей и других сотрудников ГЗИ в белорусской провинции была важной положительной стороной ГЗИ.

В то же время отдаленность ГЗИ от культурных центров не мешала преподавателям поддерживать учебно-научную деятельность на уровне высшей школы. Агротуристические поездки преподавателей и студентов по России, командировки преподавателей за границу, участие в выставках в России и за рубежом, сельскохозяйственные съезды при ГЗИ, связь с учеными столицы (Война-Куринский, Жебенко, Козловский, Михельсон, Рого, Советов, Целлинский, Шмидт состояли членами ВЭО) [«Труды ВЭО, 1863, т. II, вып. I», издание «Записок» и участие в другой периодической печати, библиотека ГЗИ, имевшая свыше 7 тыс. книг русской и зарубежной сельскохозяйственной и общей литературы и периодики, — все это помогало установлению культурных связей с учеными и педагогами и давало возможность жить научными и культурными интересами тогдашней передовой интеллигенции.

И антикрепостнический характер деятельности ГЗИ, и результаты деятельности в области сельскохозяйственного образования, науки и сельского хозяйства страны, и его культурно-просветительная роль в дореформенной России дают основание отнести это первое в России высшее сельскохозяйственное учебное заведение к тем передовым учебным заведениям, о которых А. И. Герцен в своей статье «1831—1864» писал следующее: «Круг умственной деятельности того времени был вне правительства, совершенно отсталого, и вне народа, молчавшего в отчужденности, — он был в книге, аудитории, в теоретическом споре и в учебном кабинете... Литература и учебные заведения были единственными граждански-доблестными, честными сферами деятельности неподатной России того времени» [70; 251].

Кроме значения ГЗИ в деле развития отдельных отраслей сельского хозяйства: полеводства, животноводства, дренажа, сельскохозяйственного машиноведения, — а также в деле культурного пробуждения белорусской провинции, необходимо отметить влияние ГЗИ на дальнейшее направление сельскохозяйственной науки и образования второй половины XIX в. Это влияние проявилось в деятельности наиболее выдающихся и авторитетных питомцев ГЗИ — профессоров А. В. Советова, способствовавшего развитию почвоведческого направления в сельскохозяйственной науке, и И. А. Стебута, укрепившего по преемству от ГЗИ полеводческое направление.

Внимание А. В. Советова к изучению почв было привлечено при обучении его в ГЗИ, где отводилось значительное место «почвознанию» (так называлось учение о почвах в учебной практике ГЗИ, термин же «почвоведение» укрепился в 80-е годы). Одним из главных разделов в курсе растениеводства у проф. Целлинского в ГЗИ было учение о почвах, что нашло отражение в его печатном «Руководстве», и было новым по сравнению с предшествующими пособиями. Проф. Шмидт на занятиях в ГЗИ по физике, химии и минералогии также уделял много времени анализу физических и химических свойств различных почв и их класси-

фикации по происхождению и по химическим составным частям, что содержится и в его книге «Химико-физиологическое основание земледелия и скотоводства». Важнейшими темами для студенческих так называемых «задач» на получение золотой медали были темы почвоведческие. Все это нашло отражение и в диссертациях Советова о кормовых травах и системах земледелия, в которых одним из главных объектов исследования была почва.

Приступив к длительной профессорской деятельности в Петербургском университете (1859—1901) и сблизившись, что уже указывалось, с профессорами: химиком Д. И. Менделеевым и минералогом П. А. Пузыревским, также исследовавшими почву в своих курсах, — Советов еще более укрепился в важности почвоведения для сельского хозяйства и з основу своего университетского курса агрономии положил главным образом проблемы почвоведения. «Кто слушал университетские лекции А. В. Советова, — писал впоследствии один из его учеников по университету, — тот знает хорошо, что значительная и, может быть, более существенная часть его курса посвящалась всегда почвам... Волею судеб почти до последнего времени кафедра Советова была единственной в России, в которой раздавалось слово о необходимости и важности для агронома знания почв и которая снабжала такими знаниями студенческую молодежь, которая, попадая в кабинет Советова, там оседала над почвенными картами (103; 370). Увлечение Советова почвоведением при постоянном общении с Менделеевым и Пузыревским помогло подготовить из среды студентов талантливого разночинца Смоленской губ. В. В. Докучаева (1846—1903), впоследствии основоположника почвоведения, установившего, что почва — особое естественно-историческое тело, а почвоведение — важнейшая, самостоятельная отрасль естествознания и земледелия.

Значительная роль Советова в формировании Докучаева как ученого и в сближении почвоведческих исследований Докучаева с вопросами сельского хозяйства. По словам современного исследователя С. С. Соболева, «интерес Докучаева к почвам возник в кабинете Советова» [103; 370].

После своей поездки по русским черноземным губерниям в 1876 г. Советов, как председатель сельскохозяйственного отделения ВЭО, предложил Докучаеву изучить чернозем. Последовав его совету, Докучаев в 1880 г. на общем собрании ВЭО сделал доклад, в котором отмечал тяжелое положение сельского хозяйства и намечал мероприятия по его улучшению, а в 1883 году при поддержке Советова закончил докторскую диссертацию «Русский чернозем». Когда Докучаев стал профессором геологии Петербургского университета (1878—1892), отношение Советова с ним стало еще теснее. По инициативе Советова ВЭО предприняло ряд почвенных экспедиций по России при участии учеников Докучаева по Петербургскому университету. С 1885 г. Советов и Докучаев стали издавать «Материалы по изучению русских почв» — периодические сборники работ, написанных преимущественно воспитанниками университета по материалам экспедиций. Благодаря совместной дружной педагогической работе геолога-почвоведа Докучаева и агронома-почвоведа Советова в Петербургском университете образовалась своего рода почвоведческая школа, подготовившая в последнюю четверть XIX в. большое количество как почвоведов-практиков в сельском хозяйстве, так и выдающихся почвоведов-ученых, как Вернадский В. И., Глинка К. Д., Дояренко М. Г., Кравков С. П. (преемник Советова по кафедре агроно-

мии), Прасолов Л. И., Сибирцев Н. М., Танфильев Г. И., разработавшие почвоведение для земледелия, лесоводства, мелиорации и других отраслей промышленности, связанных с почвой (см. снимок: Докучаев и Советов с группой молодых почвоведов).

Докучаев и Советов с группой молодых почвоведов.

Говоря о распространении почвоведческих знаний через Петербургский университет при содействии Советова, здесь же нельзя не отметить, что наследник ГЗИ — Петербургский земледельческий институт также располагал, о чем сказано в предыдущей главе, учебно-исследовательской обстановкой, благоприятствовавшей изучению почвоведения, и подготовил из среды своих питомцев крупнейшего агронома-почвоведца П. А. Костычева (1846—1895).

Таким образом, определяя влияние ГЗИ на дальнейшее развитие сельскохозяйственной науки в Петербургском университете и Петербургском земледельческом институте, следует признать, что ГЗИ способствовал, во-первых, появлению основоположников почвоведения — Докучаева и Костычева, во-вторых, возникновению в университете почвоведческого направления и, в-третьих, формированию почвоведения в самостоятельную науку, укрепляющую сельскохозяйственные знания и пошедшую в учебные планы сельскохозяйственной школы — высшей с 1894 г. и средней с 1906 г.

Участием в подготовке почвоведов кафедра агрономии Петербургского университета выгодно отличалась от других университетских кафедр агрономии в России, остававшихся по-прежнему в неудовлетворительном состоянии, исправить которое вновь возникали отдельные попытки. Так, профессор агрономии Харьковского университета А. Е. Зайкевич в брошюре «Агрономия как наука вообще и университетская в частности» (1891) предлагал учредить в университетах опытное поле и 3 кафедры: общей агрономии, сельскохозяйственной экономики и зоотехнии — и указывал на пользу связи ученых агрономов с универси-

тетскими учеными, ссылаясь в виде примера на значение общения Советова с Докучаевым. «Едва талантливый проф. геологии, — писал Зайкевич, — коснулся наших вопросов, как у нас явились почвенные карты» [14 б; 127—128]. Предложение Зайкевича, поддержанное некоторыми сельскохозяйственными обществами и земствами, успеха не имело. По-прежнему в начале XX века в университетах оставался только один курс общей агрономии, который в связи с развитием специальных высших и средних сельскохозяйственных школ все больше терял свое значение и вскоре после Октябрьской революции в университетах был упразднен.

Кафедра агрономии Харьковского университета с персоналом во главе с профессором М. А. Егоровым (преемником Зайкевича), с оборудованием и вегетационным домиком была передана в 1920 году Харьковскому сельскохозяйственному институту, организованному из Ново-Александровского сельскохозяйственного института, эвакуированного в Харьков в 1914 г. [14 б; 135]. Приблизительно в это же время был упразднен курс агрономии в Московском и других университетах, а также выделены из университетов медицинские факультеты в самостоятельные медицинские институты, а в университетах были открыты биологические факультеты, на которых одним из основных предметов явилось почвоведение.

Полеводческая практическая направленность ГЗИ оставила неизгладимый след на последующей деятельности второго питомца ГЗИ А. И. Стебута. Будучи профессором земледелия Петровской академии (1865—1894), Стебут продолжал это направление в сельскохозяйственной науке и тем сыграл большую роль в развитии полеводства.

Стебут сам признавал большое значение ГЗИ в формировании своих педагогических и научных взглядов. В речи о сельскохозяйственном образовании, произнесенной в 1867 г. на съезде членов Петербургского сельскохозяйственного собрания, он назвал следующие важнейшие требования, предъявляемые высшей сельскохозяйственной школе: 1) связь обучения с сельскохозяйственной практикой и не только данной местности, но различных сельскохозяйственных зон; 2) учебное хозяйство, организованное не на коммерческих началах; 3) углубленное, как и в университетах, изучение вспомогательных предметов (ботаники, химии и др.) и 4) развитие у учащихся агрономического мышления, а о происхождении своих взглядов сказал следующее:

«Мой взгляд на сельскохозяйственные школы выработался в главных чертах после 4-летнего курса, пройденного мною в Горыгорецком земледельческом институте, после 4 лет службы при Горыгорецкой учебной ферме и после осмотра и изучения германских сельскохозяйственных школ. Посещение после этого французских и английских сельскохозяйственных школ и 7-летняя служебная деятельность в качестве преподавателя последовательно при Горыгорецком институте и училище, при Петербургском земледельческом институте и, наконец, в Петровской академии не только не изменили во мне этого взгляда, но, расширив его, укрепили меня в нем еще более» [29; т. II, 554].

Это самопризнание Стебута о том, что он как профессор-методист сформировался в ГЗИ, подтверждается его одинаковыми педагогическими приемами в ГЗИ и в Петровской академии: вступительная пропедевтическая лекция в ГЗИ в основном была повторена во вступительной лекции в Петровской академии в 1866 г. [29; т. II, 476—486], любимые беседы-семинары, направленные на развитие у студентов

агрономического мышления, применялись в ГЗИ и в Петровской академии так же, как и постоянный призыв к учащимся изучать больше всего, реальную сельскохозяйственную обстановку и др. Рассмотренная выше диссертация Стебута «Известкование почв», составленная им в ГЗИ, говорит, что Стебут также в ГЗИ определился и как ученый, как агроном-методолог, и как агроном-полевод. В Петровской академии Стебут действительно расширял и укреплял в сельскохозяйственной науке полеводческое практическое направление, полученное в ГЗИ. Об этом говорят его следующие научные труды: 1) «Основы полевой культуры и меры к ее улучшению в России» (1873—1879) — выдающийся труд в русской сельскохозяйственной науке, не утративший своего значения и в настоящее время; 2) «Настольная книга для русских сельских хозяев» (1875—1880) — 3-томное руководство для агрономов, составленное Стебутом совместно с питомцами ГЗИ — Людоговским и Чернопятовым; 3) «Полеводство» (учение о полевой культуре, 1888) — учебник для земледельческих училищ, построенный на основе курса, читанного Стебутом в Горыгорецком земледельческом училище в 50-годы (перед составлением этого учебника Стебут в 1885 г. посетил ряд земледельческих училищ, в том числе и Горькое, и изучил постановку этого предмета на месте) [29; т. II, 487—488]; 4) отдельные статьи о полевых культурах: «О посеве вообще и рядовом в особенности» (1870), «Возделывания хлебных зерновых растений» (1892) и другие.

Научные труды Стебута, направленные на внедрение достижений агрономической науки в практику сельского хозяйства, дополнялись его педагогической деятельностью по подготовке агрономов-полеводов и среди них ученых-практиков. Среди учеников Стебута по Петровской академии были следующие профессора: 1) А. Н. Шишкин, профессор сельскохозяйственной экономики, первый из окончивших академию, защитивший магистерскую диссертацию «К вопросу об уменьшении вредного действия засухи на растительность» (1876); 2) А. Ф. Фортунатов, профессор сельскохозяйственной статистики, разрабатывавший вопросы агрономической помощи населению в трудах «Общий обзор земской статистики крестьянского хозяйства» (1892), «Урожай ржи в Европейской России» (1893) и др.; 3) Д. Н. Прянишников, по преемству от Стебута, проф. частного земледелия, создавший, продолжая труд Стебута «Об известковании почв», основы широкой химизации сельского хозяйства и сочетавший в себе практического агронома и ученого-теоретика (он был учеником и К. А. Тимирязева) [19; 227].

Полеводческое, практическое направление в Петровской академии последней трети XIX века, возглавлявшееся Стебутом, станет очевиднее, если сопоставить его с другим одновременным с ним научным течением в агрономии — физиолого-ботаническим, которое также развивалось в Петровской академии, но под влиянием К. А. Тимирязева, проф. физиологии растений Петровской академии (с 1869 по 1891 г.) и Московского университета (с 1877 по 1911 г.) Физиология растений как наука, по словам исследователя ее истории Н. А. Максимова, была в дореволюционной России «в почти полном отрыве от потребностей сельского хозяйства, которое, со своей стороны, почти не предъявляло к ней никаких запросов» [19; 255]. Только некоторые агрономы, под влиянием К. А. Тимирязева интересовались проблемами физиологии растений, а «для большинства ведущих ботаников-физиологов, — продолжает далее Н. А. Максимов, — проблемы сельского хозяйства оставались далекими и чуждыми, и физиология растений почти до самой

Октябрьской революции продолжала оставаться наукой по преимуществу академической». «Далекой» оказалась физиология растений даже для профессоров агрономии в Московском университете Н. Е. Ляскового (с 1872 по 1890 г.) и А. Н. Сабанина (с 1890 по 1920 г.), работавших вместе с К. А. Тимирязевым на одном факультете. Лясковский занимался лабораторными исследованиями химического состава пшеничных зерен и семян тыквы, а его ученик и преемник Сабанин сначала занимался такими же исследованиями зерен проса, а затем, увлеченный учением В. В. Докучаева, перешел к почвоведению, которое, по мнению Сабанина, заняло центральное положение среди естественно-исторических наук и стало «как бы узлом, в который вплетаются явления живой и мертвой природы [44 к; 57—58]. Отсутствие связи физиолого-ботанического исследовательского направления с сельским хозяйством ярче оттеняет практическую сельскохозяйственную направленность течения, руководимого Стебутом.

Стебут был пропагандистом научного полеводства в сельскохозяйственной практике не только в своей учебно-научной работе, но и в общественной. Он известен как один из первых защитников женского сельскохозяйственного образования, как организатор первых в России женских высших сельскохозяйственных курсов в Петербурге, названных в его честь Стебутовскими. В статье «Нуждается ли русская интеллигентная женщина в специальном сельскохозяйственном образовании?» (1891) Стебут показал экономически тяжелое положение крестьян, в хозяйстве которых крайне нужна помощь агронома и, в частности, агронома-женщины, и звал женщин посвятить свой труд обездоленной деревне [29; т. II, 583—614].

Практическое полеводство, разрабатывавшееся Стебутом и его учениками, встретило противодействие со стороны реакционно-консервативного МНП, наблюдавшего за научной жизнью различных учебных заведений, и Петровской академии пришлось выдержать борьбу с этим министерством при отстаивании права на присвоение ученых степеней по сельскому хозяйству, а в сущности при защите агрономии, как науки по преимуществу практической.

Петровская академия при пересмотре ее устава в 1873 г. добивалась предоставления ей права присуждать докторскую степень по сельскому хозяйству, указывая, что число лиц с учеными степенями по сельскому хозяйству крайне ограничено, а по лесоводству совсем нет и что предоставление такого права, способствующего развитию сельскохозяйственных знаний, по праву должно принадлежать Петровской академии, где имеется несколько магистров по сельскому хозяйству, а не университетам, из которых только в Петербургском и Московском имеется по одному доктору (Советов и Лясковский) без магистров [17; 133].

Министр народного просвещения Д. Толстой (1866—1882) отклонил эту попытку Петровской академии по формальным соображениям, что в этой академии не было докторов по сельскому хозяйству.

Преемник Д. Толстого министр просвещения И. Делянов (1882—1897) решил совершенно лишить Петровскую академию права присуждения ученых степеней по сельскому хозяйству на том основании, что агрономия — не наука [17; 172—176]. По его мнению, науки создаются только кабинетными учеными, а не хозяевами-практиками, создавшими агрономию путем применения истин, установленных учеными. Располагая правом руководства высшей школой, Делянов предписал Петровской академии перестроиться по примеру Харьковского технологического

института (открыт в 1885 г.), устав которого МНП считало образцом по применению университетского устава 1884 г. к организации специальной высшей школы. Это предписание было равносильно предложению Петровской академии отказаться от права присуждать ученые степени, так как в уставе Харьковского института этого права не было.

Петровская академия вновь отстаивала важность не только сохранения имевшегося права, но и получения права на присуждение докторской степени по сельскому хозяйству. Государственный Совет, пересматривая устав Петровской академии в 1889 г., сохранил в уставе только право на присуждение магистерской степени. Делянов на этом не успокоился. В Положении Московского сельскохозяйственного института, в который была преобразована Петровская академия, право присуждения ученых степеней было совершенно исключено [23; 357]. Оно было оставлено университетам.

Действия толстовско-деляновского руководства МНП: непризнание агрономии наукой, унижение авторитета Петровской академии сначала непредоставлением ей права присуждения докторской степени по сельскому хозяйству, а затем лишением ее права вообще присуждать ученые степени, — были выражением правительственной реакционно-консервативной политики второй половины XIX века. Эта политика в области народного образования проявлялась также в борьбе с демократизацией науки, в расширении классицизма, в сокращении естествознания и т. п.

В противовес этой политике МНП Петровская академия устроила в этом же 1889 г., когда Делянов третирует агрономию, как пасынка, среди других наук, в годовщину своего основания (21 ноября) торжественное чествование 35-летия научной и педагогической деятельности И. А. Стебута, как талантливого и энергичного представителя земледельческо-полеводческого практического направления в сельском хозяйстве, начало которому было положено в ГЗИ. Профессора А. В. Советов и В. В. Докучаев по этому случаю прислали из Петербурга дружественную телеграмму: «Примите наш душевный привет с исполнившимся 35-летием вашей плодотворной службы» [28а; 30]. В память заслуг Стебута его бывшие ученики и другие деятели сельского хозяйства собрали 3.200 руб., на которые Совет академии учредил Стебутовскую премию, состоявшую из медали с изображением Стебута и надписью «За труды по сельскому хозяйству» и из денег, выдававшихся лицу, заслужившему премию и поименованному на медали [23; 403—404].

Чествование Стебута вылилось в своеобразную общественную демонстрацию в защиту сельскохозяйственной науки, ее практической направленности и против МНП.

Враждебное отношение МНП к практической науке, подобное отношению к агрономии, имело место в эти годы в области и других наук. Так, реакционное большинство членов Петербургской Академии наук при президенте министре просвещения Д. Толстом не избрало в 1880 г. в члены Академии наук известного химика Д. И. Менделеева, направившего также, как и Стебут, свои научные исследования по химии на практические запросы государственной промышленности [69; 339—354]. В виде протеста против этого непризнания заслуг выдающегося ученого в адрес Менделеева поступили письма и приветствия от университетов, научных обществ и ученых из России и из-за рубежа, что явилось чествованием Менделеева, напоминающим чествование Стебута.

Воспоминания о ГЗИ, о его значении в сельском хозяйстве и сель-

скохозяйственном образовании долго жили, в особенности среди деятелей по сельскохозяйственному образованию.

В августе 1890 г., когда Горькое земледельческое училище торжественно отмечало 50-летие своего существования, проф. А. В. Советов прислал из Петербурга приветствие со следующим пожеланием: «Да воскреснет в лице Горького училища незабвенный Горьгорецкий институт—моя alma mater!». Н. М. Арнольд, тогдашний директор Горьких учебных заведений (с 1875 по 1899 г.), на это пожелание Советова ответил следующее: «Как ни понятно ваше пожелание о воскрешении в лице наших заведений незабвенного Горьгорецкого института, но воскрешению этому верится с трудом. Если такие заведения, как Ново-Александровский институт и Петровская академия, висят на волоске, где уже думать Горькому училищу о воскрешении института» [74; 340].

Эта краткая переписка о ГЗИ между деятелями по сельскохозяйственному образованию показывает, что, во-первых, впечатления и знания, полученные Советовым в ГЗИ, были настолько ценны и сильны, что, вспоминая о нем почти через 40 лет, будучи ученым с европейским именем, он называет институт незабвенным и своей матерью, вскормившей его для деятельности на пользу сельского хозяйства и сельскохозяйственной науки; во-вторых, пожелание Советова о восстановлении в Горках института, с чем был согласен и Арнольд («Как ни понятно ваше пожелание»), вызывалось хорошо известной Советову обстановкой, в которой находилось Горькое земледельческое училище, недостаточной для высшей сельскохозяйственной школы, а также сознанием важности дальнейшего развития высшего сельскохозяйственного образования; в-третьих, Арнольд считал неосуществимым пожелание Советова в условиях отмеченной выше правительственной реакции, в условиях голения на агрономию, когда две тогдашние высшие сельскохозяйственные школы, по выражению Арнольда, «висели на волоске», который, как известно, оборвался, и они были временно закрыты: Ново-Александровский институт—с 1890 по 1892 г., а Петровская академия—в 1894 г., при преобразовании ее в Московский сельскохозяйственный институт.

Память о ГЗИ была жива и среди преподавателей и учащихся Горьких учебных заведений, а также среди населения г. Горок и его окрестностей. Директор Арнольд в отчете по земледельческому училищу за 1890 г. писал: «И доселе еще нет-нет да и появится неизвестно откуда гущенный слух о переводе несуществующего уже высшего учебного заведения в Горки» [74; 340].

* * *

Осуществилось пожелание А. В. Советова о воскрешении в Горках сельскохозяйственного института через 29 лет. Воскресила его в 1919 г. Великая Октябрьская социалистическая революция, широко распахнувшая двери высшей школы для трудящихся, что вызвало обильные всходы новых сельскохозяйственных институтов. За пятилетие после революции (1917—1922) число сельскохозяйственных институтов возросло в 4 раза: за это время в дополнение к 4 сельскохозяйственным институтам, имевшимся в России перед революцией: Московскому, Воронежскому, Вологодскому и Харьковскому, вступило в строй 12 следующих новых сельскохозяйственных институтов (далее названы институты и год их основания): Одесский—1917, Омский и Херсонский—1918, Горький—1919, Полтавский—1921, Днепропетровский (Екатеринославский), Казанский, Киевский, Куйбышевский (Самарский), Ленинградский, Новочеркасский (Донской) и Саратовский—1922 [Данные институты, Больш. Сов. Энциклопедия, второе изд.].

Из этих институтов: а) Одесский, Омский и Днепропетровский были основаны как запроектированные еще Министерством земледелия перед войной 1914 г. [30; 285—287]; б) Казанский, Киевский и Саратовский возникли из агрономических факультетов Казанского и Киевского политехнических институтов и Саратовского университета; в) Ленинградский образовался из объединения сельскохозяйственных курсов, Стебутовских и учрежденных агрономами и г) Куйбышевский (Самарский), Новочеркасский и Херсонский были созданы путем преобразования в институты соответствующих средних сельскохозяйственных училищ. Пять институтов (Днепропетровский, Киевский, Одесский, Полтавский и Херсонский) возникло на Украине, шесть — в русских областях, а Горьковский институт был восстановлен для Белоруссии, в которой он и явился единственной высшей сельскохозяйственной школой, но не в одиночестве, как это было 60 лет назад, а в содружестве со своими сверстниками по специальности и с дореволюционными сельскохозяйственными институтами.

Главным мотивом восстановления сельскохозяйственного института в Горках была память о ГЗИ, база которого сохранилась и использовалась тремя находившимися здесь сельскохозяйственными училищами. Эти училища, по ходатайству преподавателей и общественных деятелей, и были преобразованы Советским правительством в сельскохозяйственный институт, как и некоторые другие названные выше средние сельскохозяйственные училища.

В начале деятельности Горьковского института особо подчеркивалась его преемственная связь с Горьгорским земледельческим институтом. Показателен в этом отношении 1-й том «Записок Горьгорского сельскохозяйственного института», вышедший в 1923 г. после 3-летних хлопот по устройству собственной, институтской типографии. По примеру «Записок ГЗИ» том был разделен на два отдела: официальный с отчетами и неофициальный с научными работами. Вступительные статьи 1-го тома: «История воссоздания Горьгорского земледельческого института» проф. В. И. Киркора и «Краткий обзор истории Горьгорского земледельческого института» профессора В. В. Винера — и названием («воссоздание ГЗИ») и содержанием устанавливали преемственность двух институтов. Винер предлагал для «воссоединения» институтов перенесение в практику Горьгорского сельскохозяйственного института таких мероприятий из жизни ГЗИ, как издание «Записок», агропутешествия, торжественный годовой акт и др. Установление связи между двумя институтами проявилось также в избрании в 1921 г. Советом Горьгорского сельскохозяйственного института своим почетным членом И. А. Стебута, в это время еще здравствовавшего питомца и профессора ГЗИ, и в названии опытного поля, на котором Стебут начинал свою научную работу, Стебутовским (название сохранилось и теперь).

Так в первое время после восстановления в Горках высшей сельскохозяйственной школы устанавливалась ее преемственная связь с Горьгорским институтом.

В дальнейшей истории Белорусской сельскохозяйственной академии, проходящей в совершенно иную эпоху, чем при ГЗИ, память о родоначальнике высшего сельскохозяйственного образования и о предшественнике этой Академии не ослабела. В 1940 г. отмечалось столетие открытия ГЗИ, в связи с чем и за заслуги Академии в деле подготовки кадров и развития агрономии Президиум Верховного Совета СССР наградил Белорусскую сельскохозяйственную академию орденом Тру-

дового Красного Знамени. В последних томах «Трудов» Академии вспоминаются деятели ГЗИ [109 а-б]. В 1959 г. перед старинным главным корпусом Академии установлен бюст И. А. Стебута.

ГЗИ является не только памятником прошлого Белорусской сельскохозяйственной академии, но и важным историческим памятником в развитии сельскохозяйственного образования в России, как родоначальник специальной высшей школы, подготовившей для России первых агрономов, и притом родоначальник «граждански—доблестный и честный», как отозвался А. И. Герцен о подобных учебных заведениях того времени [см. стр. 254]. Поэтому ГЗИ должен быть для деятелей по сельскому хозяйству нашей родины, в особенности деятелей научных и учебных заведений, по выразительному определению проф. А. В. Советова «незабвенным!».

В то же время деятельности ГЗИ, его значению в деле распространения и развития сельскохозяйственных знаний должно быть отведено заслуженное место в ряду других учебных заведений и в истории России и Белоруссии середины XIX в.

В настоящее время (1960 г.) Белорусская сельскохозяйственная академия благодаря наследству, полученному от ГЗИ, и благодаря щедрой поддержке Советского Правительства разрослась в крупное, мощное, высшее учебное заведение в Советском Союзе.

Усадьба Академии, расширенная и перепланированная, превратилась в благоустроенный, культурно-просветительный городок с новыми, многоэтажными учебными и жилыми зданиями, которые далеко превзошли по площади и удобствам три корпуса, построенные при основании ГЗИ и сохранившиеся доселе.

Учебно-опытное хозяйство, раскинувшееся почти на 20 тыс. гектаров различных угодий вместе с лабораториями, кабинетами, библиотекой и другими учебно-вспомогательными учреждениями, обслуживают 8 отдельных факультетов Академии: агрономический, плодоовощной, агрономии и почвоведения, зоотехнический, инженерно-землеустроительный, механизации сельского хозяйства, гидромелиоративный и экономический, а также различные курсы повышения квалификации специалистов сельского хозяйства.

Профессорско-преподавательский состав Академии, насчитывающий свыше 300 лиц, пополняется и пополняется в значительной степени учеными — питомцами самой академии.

Более 3000 студентов обучается на всех факультетах; имеется и заочный сектор обучения. Ежегодно заканчивают Академию до 700 агрономов, зоотехников, инженеров и других специалистов сельского хозяйства. Некоторые из них стали выдающимися учеными и практиками в сельском хозяйстве.

Современный транспорт, устранив прежнее бездорожье, делает Академию более доступной для учащейся молодежи, а также способствует сближению и общению Академии с другими культурными центрами страны. С 1918 г. через районный город Горки проходит железнодорожная линия Орша—Харьков (ст. Погодино); установлено автобусное сообщение Горок с Оршей и Могилевом.

Описание названных и других особенностей Белорусской сельскохозяйственной академии составит содержание отдельной книги.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Исторические архивы (1—6)

1. Центральный в Ленинграде, ф. 398.
2. Областной в Ленинграде, ф. 994.
3. Центральный Белорусской ССР в Могилеве, ф. 508.
4. Центральный Литовской ССР в Вильнюсе, ф. 378.
5. Центральный Эстонской ССР в Тарту, ф. 402.
6. Областные а) в Витебске, ф. Белорусского Вольного эконома, общества; б) в Минске, ф. 319.

II. Сельскохозяйственное образование (7—29)

7. Бердышев А. П., А. Т. Болотов—первый русский ученый агроном, М., 1949.
8. Брежнев Д. Д., Минкевич И. А., Основные достижения с.-х. науки в СССР, М., 1958.
9. Буриашев В., а) описание Удельного земл. училища, СПб., 1839; б) опыт терминолог. словаря сельского хозяйства, фабричности и быта народного, т. I—II, СПб., 1843—1844.
10. Вербин А. А., Очерки по развитию отечественной агрономии, М., 1958.
11. Вешняков В. И., Обзор с.-х. учреждений в Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Германии и Италии, СПб., 1866.
12. а) Гудков Н., Краткий истор. очерк Горьких уч. заведений; Орша, 1890; б) Гурьянов В. П., И. М. Комов, М., 1953.
13. Ермолов А. С., Высшее с.-х. образование и его отношение к с.-х. делу в России, СПб., 1872.
14. а) Иванович К. А., С.-х. образование в СССР, М., 1958; б) Иванов С. З., А. Е. Зайкевич, Харьков, 1959.
15. Костычев П. А., Избранные труды, М., 1951.
16. Летопись Белорусского общества с.-х. хозяйства, СПб., 1841.
17. Мещерский И. И., Высшее с.-х. образование в России и за границей, СПб., 1893.
18. Миклашевский И. Н., Очерки по истории с.-х. образования в России, СПб., 1893.
19. Очерки по истории русской ботаники, М., 1947.
20. Положение о Практической школе земледелия и с. хозяйства, СПб., 1798.
21. Пономарев Н. В., Истор. обзор правительственных мероприятий к развитию с. хозяйства в России, СПб., 1888.
22. Прянишников Д. Н., Статьи и научные работы, Юбилейный сборник, М., 1927. а) к истории развития основных воззрений в агрономии за истекшее столетие (1806—1906); б) статьи по вопросам с.-х. образования; в) об ученых степенях по агрономии.
23. Сборник сведений по с.-х. образованию, вып. III, Постановления по с.-х. уч. заведениям за время 1836—1899, СПб., 1900.
24. Сборник сведений по с.-х. образованию, вып. VII, Распоряжения по с.-х. уч. заведениям за время 1865—1901, СПб., 1901.
25. С.-х. академия им. К. А. Тимирязева, М., 1946.
26. Смирнов В. П., В. Р. Вильямс, М., 1948.
27. Советов А. В., а) избранные соч., М., 1950; б) эн. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXVIII, 776—79, с.-х. наука; в) там же, т. XVI, Королев Ф. Н.; г) там же, т. XXIII, Петербургское собрание с. хозяев.
28. Стебут И. А., Избранные соч., а) т. I, 1956; б) т. II, 1957.
29. Тимирязев К. А., соч., т. III, М., 1937.

III. Техническое и общее образование (30—44)

30. Агрономическая помощь в России, изд. деп. земледелия, СПб., 1914.
31. Ганелин Т. И., Очерки по истории средней школы в России, 1950.
32. Георгиевский А., Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков, СПб., 1890.
33. Замечания на проект общего устава импер. ун-тов, СПб., 1862.
34. Князьков С. и Сербов Н., Очерк по истории нар. образования в России до эпохи реформы Александра II, М., 1910.
35. Константинов и Струминский, Очерки по истории начального образования в России, М., 1949.
36. Одоевский В. Ф., Избранные педагогические соч., М., 1953.
37. Пирогов Н. И., Избранные педагогические соч., М., 1952.
38. Прокофьев В. И., Московское высшее техническое училище, М., 1956.
39. Рождественский С., Истор. обзор деятельности Мин. нар. просвещения, СПб., 1902.
40. Сборник постановлений по Мин. нар. просвещения, т. I, СПб., 1864.
41. Соловьев И. М., Русские университеты в их уставах и воспоминаниях, вып. I, СПб., 1913.
42. Технологический институт им. Ленинградского Совета, Л., 1928.
43. Хрестоматия по истории педагогики, М., 1938, т. IV.
44. Университеты,

- а) Биограф. словарь профессоров и преподавателей Дерптского ун-та за 100 лет (1802—1902), 1902;
- б) Мартинсон Э., История основания Тартуского ун-та, Л., 1954;
- в) Владимирский-Буданов М. Ф., История ун-та св. Владимира, 1884;
- г) Шульгин В., История ун-та св. Владимира, СПб., 1860;
- д) Биограф. словарь профессоров и преподавателей Московского ун-та, М., 1855;
- е) История Московского ун-та, т. I, М., 1955;
- ж) Григорьев В. В., Петербургский ун-т в течение первых 50 лет, СПб., 1870;
- з) Физмат. Харьковского ун-та за первые 100 лет его существования, 1908;
- и) Харьковский ун-т за 150 лет, 1955;
- к) Качинский Н. А., Агрономия и почвоведение в Московском университете за 200 лет (1755—1955), М., 1957.

IV. Историческая литература (45—81)

45. Анохин П. К., И. П. Павлов, М.—Л., 1949.
46. Белинский В. Г., Письма, т. III, 1914.
47. Дембовецкий А. С., Опыт описания Могилевской губ., 3 книги, 1882—1884.
48. Добролюбов Н. А., Дневники, 1851—1859, М., 1932.
49. Дружинин Н. М., Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, а) т. I, М., 1946; б) т. II, М., 1958.
50. Дементьев А. Г., Очерки по истории рус. журналистики, 1840—1850, М.—Л., 1951.
51. Дояренко А. Г., Из агрономического прошлого, М., 1958.
52. Жданов В., Добролюбов Н. А., М., 1951.
53. Жихарев С. П., Записки современника, М.—Л., 1955.
54. Заблоцкий-Десятовский А. П., Киселев и его время, СПб., 1832.
55. История русской экономической мысли, т. I, а) ч. I, М., 1955; б) ч. II, М., 1958.
56. История Белорусской ССР, т. I, Минск, 1954.
57. Ковальский Ю., Русская революционная демократия и восстание 1863 г. в Польше, пер., М., 1953.
58. Красноперов И. М., Записки разношца, М., 1929.
59. Крупениковы И. и Л., а) Докучаев В. В., М., 1948; б) Костычев П. А., М., 1955.
60. Нечуятов П. Я., А. Н. Энгельгардт, Смол., 1957.
61. Ляшенко П. И., История народного хозяйства СССР, т. I, 1947.
62. Линков Я. И., Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861, М., 1952.
63. Лемке М., Очерки по истории рус. цензуры и журналистики XIX в., СПб., 1904.
64. Могилевский Б., Жизнь Н. И. Пирогова, М.—Л., 1952.
65. Миловидов А. И., Участие молодежи сев.-зап. края в мятеже 1863 г., Вильно, 1904.
66. Никитенко А. Б., Дневник, т. I—III, М., 1955.
67. Описание Горьцкого района, Горки, Мог. обл., 1927.
68. Панаева А. Я., Воспоминания, М.—Л., 1948.
69. Писаржевский О. Д., Д. И. Менделеев, 1949.
70. Сороковые годы XIX в. в мемуарах современников, документах эпохи и худож. произведениях, М., 1959.
71. Скабичевский А., Очерки истории рус. цензуры, СПб., 1892.
72. Сычугов С. И., Записки бурсака, 1933.
73. Цаголов И. А., Очерки рус. экономической мысли периода падения крепостного права, М., 1956.
74. Цитович С. Г., 1863 г. в Горы-Горках, Мог. губ., Минск, 1929, Труды Класа истории Белорусской Академии наук, т. III, 217—340.
75. Чернышевская Н. М., Н. Г. Чернышевский в Саратове, 1952.
76. Чернышевский Н. Г., Полное собрание сочинений, а) т. XVI, М., 1953; б) т. III, 1947.
77. Штейн В. М., Очерки развития рус. общественной и экономической мысли XIX—XX вв., Л., 1948.
78. Шнитников В. Н., Из воспоминаний натуралиста, М., 1958.
79. Семевский В. И., Крестьяне различных наименований, Эн. словарь, бр. Гранат, т. XXV.
80. Русские люди, Жизнеописания соотечественников, т. II, СПб., 1866.
81. Ходнев А., История Вольного эконома общества с 1765 г., СПб., 1865.

V. Периодика (82—110)

82. Библиотека для чтения, 1842, а) т. 50, Д. Шелехов, О настоящей точке зрения на с. хозяйство с применением к России; б) т. 50, 54, 55, Теория питания растений в приложении к земледелию по Либиху.
83. Вестник Европы, 1903, № 2—3, Романович-Славатинская А. В., Моя жизнь и академическая деятельность 1832—1884 гг.
84. а) Вестник Ленинградского ун-та, 1947, № 7, Вольсон Т. С., Вольный ун-т 1862 г.; б) Вестник высш. школы, 1957, № 11, Н. И. Красовский, Расцвет культуры социалистической Белоруссии.
85. Вестник с.-х. науки, 1957, № 8, Гаркуша И. Ф., Курбатов И. М., Новиков Д. Р. и др., Белорусская с.-х. академия.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

86. Доклады (вып. XIV) научной конференции с.-х. академии, им. Тимирязева, М., 1949; Крохалев В. С., Советов—как предшественник Вильямса в учении о системах земледелия.
87. Журнал землевладельцев, 1858, № 8, письмо Журавлева и ответ ему.
88. Журнал Министерства нар. просвещения; а) 1863, ч. 120; б) 1872, № 5—6.
89. Журнал Министерства гос. имуществ, 1841—1864, 1—87 части.
90. Журнал с. хозяйства, а) 1846, № 4, 7; б) 1857, № 6, В. Боборыкин, Поездка в Горыгорецкий институт; в) 1857, № 10, Экстренное заседание Московского общества с. хозяйства; г) 1857, № 11, Маслов С., Обзорение Горыгорецкого зем. института.
91. Записки Горького с.-х. института а) 1923, т. I; б) 1924, т. II; в) 1925, т. III.
92. Записки Горыгорецкого зем. института, 6 книжек, 1852—1857.
93. Записки Харьковского с.-х. института, т. VIII, 1947.
94. Земледельческий журнал, а) 1822, № 3, Гагарин, О заведении Тзера в Меглине; б) 1835, № 6, 1837, № 3 об Удельном зем. училище.
95. Земледельческая газета, а) 1837, № 51; б) 1861, № 12.
96. Исторический архив Академии наук СССР, Институт истории, 1951, № 7, Кушева Е. Н., Проект учреждения акционерного «Общества улучшения частного с. хозяйства» 30-х годов XIX в.
97. История СССР, 1958, № 1, В. Р. Лейкина-Свирская, Формирование разночинной интеллигенции в России в 40-х годах XIX в.
98. Исторический вестник, а) 1889, № 10, Кренке В. Д., Усмирение польского мятежа в Киевской губ. в 1863 г.; б) 1883, № 2, Усов П. С., Из моих воспоминаний, дело о религиозности проф. Шлейдена.
99. Коммунист Белоруссии, 1957, № 10, Гаркуша И. Ф., Старейшее учебное заведение страны.
100. Москвитянин, Я. Линовский, а) 1844, № 11—12, О плодородии земли; б) 1845, № 3—7, Характер и цель учения с. хозяйства в разных зем. школах, институтах и университетах в Европе; в) 1845, № 1, 3, О средствах к распространению улучшенного хозяйства и с.-х. образования; г) 1845, № 5 и 6, Обзорение современного состояния хозяйственной литературы в России.
101. Московские ведомости, 1864, № 22, Нужна ли Петровская землед. академия и что она может дать?
102. Отечественные записки, 1842, № 1—10 и 1843, № 1—2, И. В. Сабуров, Записки землевладельца о теории и практике сельского хозяйства.
103. Почвоведение, 1951, № 6, Соболев С. С., Выдающийся русский агроном А. В. Советов.
104. Присуждение учрежденных Демидовым наград, изд. Академии наук, а) 32-е, 1863, стр. 136—167; б) 30-е, 1861, стр. 153—160.
105. Русский архив, а) 1874, I, Бархатцев С., Из истории Виленского уч. округа; б) 1875, I и III, Бадке Е. Ф., Автобиографические записки; в) 1885, VIII, Левшин А. И., Достопамятные минуты моей жизни; г) 1890, IV, Палимпсестов И. У., Н. Г. Чернышевский по воспоминаниям земляка; д) 1873, IV, Из записок В. А. Инсарского; е) 1893, IV, Из записок сенатора К. Н. Лебедева.
106. Русский вестник, а) 1869, № 7, Вешняков В. И., Комитет 1833 г., об усовершенствовании земледелия в России; б) 1872, № 5—10 и 12, Петербургский старожил (Бурнашев), Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности.
107. Русская старина, а) 1879, т. 26, Записки сельского священника; б) 1883, № 9, Кулеша С., Горыгорецкая катастрофа, воспоминания ученика А. Гейриха; в) 1891, № 2, Вешняков В. И., Очерк о Неелове; г) 1891, № 5, Валуев П. А., Дума русского во 2-й половине 1855 г.; д) 1891, № 10, Валуев П. А., Дневник; е) 1903, № 10, Веселовский К. С., Воспоминания; ж) 1913, № 12, Записки А. А. Половцова; з) 1882, № 2, Памяти Заблочно-Десятковского; и) 1881, № 4, Соловьев Я. А., Записки сенатора.
108. Советская агрономия, а) 1947, № 1, Бак И. С. о Ломоносове; б) 1949, № 7, Бланифельд Ю. о Радищеве; в) 1949, № 9, Герасимов Г. А., Инструкция Вольного Экон. общества; г) 1951, № 5, Дмитриев В. С. о Линовском.
109. Труды Белорусской сельскохозяйственной академии, а) т. XXVI, вып. II, 1957; б) т. XXIX, 1959.
110. Труды института истории, Сборник статей, вып. I, М., 1926, Н. М. Дружинин, Журнал землевладельцев 1858—1860 гг.

- Азаревич Иван Васильевич — 78, 129, 131, 133, 159, 165.
- Алексеев Василий Петрович — 193.
- Афанасьев Николай — 142, 160—163, 252.
- Афонин Матвей Иванович — 12, 14, 19, 33.
- Бажанов Алексей Михайлович — 131, 174, 220, 224, 235, 244, 246, 248, 250.
- Байков Матвей Андреевич — 24, 27, 33.
- Баллон Эрнест Эрнестович — 193, 220, 224, 235.
- Беклемишев Александр Петрович — 205, 206, 209, 212, 214.
- Белинский Виссарион Григорьевич — 26, 67, 95, 102, 105, 112.
- Блудов Дмитрий Николаевич — 39, 47, 48.
- Болотов Андрей Тимофеевич — 12, 17.
- Больман А. И. — 78, 131, 142, 152, 158, 160.
- Брадке Егор Федорович — 43, 57, 66, 72, 78, 83.
- Буркевич Карл — 142, 162.
- Бурнашев Владимир Петрович — 25—27, 33.
- Валуев Петр Александрович — 179, 190, 192, 205, 206, 209, 217, 225—227.
- Венцовский Франц Онуфриевич — 78, 131, 133, 165, 214, 215.
- Верещагин Арсений — 143, 144.
- Веселовский Константин Степанович — 67, 103, 127, 142, 164, 229.
- Вильямс Василий Робертович — 248.
- Винер Владимир Владимирович — 262.
- Висковский Станислав — 204, 208, 210, 214.
- Война-Курицкий Аким Афанасьевич — 103, 120, 121, 125, 139—141, 149, 153, 156—158, 165, 166, 173, 179, 192, 254.
- Выбрановский Тит — 214, 215.
- Высотский В. Г. — 170, 176.
- Гамалея Н. М. — 109, 110, 122, 123.
- Гербаиновский Христофор — 87.
- Герцен Александр Иванович — 28, 65, 81, 111, 112, 138, 203, 254, 263.
- Гинглинг Ф. — 57, 58, 72.
- Гинцель Александр Александрович — 131, 133—134, 142, 148, 153, 157, 159, 160; 165, 204, 205, 207, 214, 215, 230.
- Гоголь Николай Васильевич — 25, 102, 128.
- Голицын Дмитрий Алексеевич — 11.
- Давыдов Иван Иванович — 129, 130.
- Дела-Гарде А. А. — 72, 83.
- Делянов Иван Давидович — 259, 260.
- Добролюбов Николай Александрович — 81, 90, 91, 203.
- Докучаев Василий Васильевич — 239, 255—257, 259, 260.
- Доморацкий Войцех — 204, 208, 214.
- Дояренко Алексей Григорьевич — 255.
- Дружинин Николай Михайлович — 66, 92, 169, 231.
- Дубенский Николай Яковлевич — 92, 93, 174, 252.
- Дьяков П. Н. — 153, 156, 157.
- Ермолов Алексей Сергеевич — 224.
- Ершов Александр Степанович — 188.
- Есаков Александр — 235, 244, 245.
- Жебенко Юрий Юрьевич — 86, 133, 134, 148, 153, 158, 165, 203, 207, 214—216, 235, 245, 254.
- Железнов Николай Иванович — 237, 243, 248.
- Заблочки-Десятковский Андрей Парфенович — 67, 103—105, 121, 127, 164, 165, 172, 173, 177—179, 229.
- Завадовский А. — 43, 45, 46.
- Зайкевич Анастасий Георгиевич — 243, 256, 257.
- Звирждовский Людвиг (Топор) — 210—213.
- Зеленой Александр Алексеевич — 205, 206, 217, 222, 225, 227, 240.
- Ильенков Павел Антонович — 237, 240.
- Калиновский Константин Семенович (Кастусь) — 210, 216.
- Калиновский Я. Н. — 102, 103, 243, 246, 250.
- Кампиони Антон — 56, 58.
- Канкрин Егор Францевич — 39—42, 44—47, 57, 66, 110.
- Капустин Николай — 142, 160, 161, 252.
- Карташевский Г. И. — 42, 43.
- Катков Михаил Никифорович — 233, 240.
- Киркор Владислав Игнатьевич — 262.
- Киселев Павел Дмитриевич — 4, 57, 64—66, 69—73, 89, 103, 111, 119, 159, 164, 166, 168—170, 179, 185, 219, 220, 229.
- Кнюпфер Рейнгольд Егорович — 78, 86, 87, 134, 148, 165.
- Козловский Александр Николаевич — 131, 138, 148, 157, 204, 207, 208, 214, 215, 230, 235, 244, 245, 252, 254.
- Комов Иван Михайлович — 12, 13, 19, 33.
- Королев Филипп Николаевич — 131, 134, 142, 160, 165, 192, 230, 237, 251, 252.
- Короленко Владимир Галактионович — 240.
- Коссак Георгий — 208, 216.
- Коссович Самсон Семенович — 131, 134, 165, 235.
- Костычев Павел Андреевич — 224, 235, 256.
- Кочетов Владимир Акимович — 32, 33, 243, 246, 250.
- Кошелев Александр Иванович — 127.
- Краинский Василий Евгеньевич — 235, 252.
- Краузе Вильгельм Иванович — 31, 78, 87, 131, 134, 142, 148, 149, 156, 158, 165, 220.
- Кушелевский Август — 208.

Ламовский А. М. — 177, 178, 180, 185, 217.
Левшин Алексей Ираклиевич — 66, 83, 110, 111, 114, 122, 123, 125, 128.
Ленин Владимир Ильич — 100, 229.
Либих Юстус — 104, 154, 187.
Ливанов Михаил Георгиевич — 12, 13.
Линней Карл — 12.
Линовский Ярослав Альбертович — 28, 108, 109, 224, 243, 245—247.
Ловецкий Алексей Леонтьевич — 28.
Ломоносов Михаил Васильевич — 8, 9.
Людоговский Алексей Петрович — 194, 235—237, 246, 248, 252.
Лясковский Н. Е. — 248, 259.
Максимов Илья — 235.
Максимов Николай Александрович — 258.
Марковский Виктор Захарович — 235.
Маслов Степан Алексеевич — 26, 102, 153, 174—177, 197.
Мельников-Печерский Павел Иванович — 59.
Менделеев Дмитрий Иванович — 186, 240, 249, 255, 260.
Менжинский А. Д. — 85, 153, 156—158.
Мерц Э. О. — 23, 32, 33.
Миткевич Здислав — 210, 214.
Михельсон Бернгард Генрихович — 31, 67, 84, 99, 103, 131, 136, 142, 146, 148, 150—152, 158, 163, 165, 192, 230, 250, 253, 254.
Мицуль Михаил Семенович — 202, 235, 236, 252.
Моргулец Степан — 211, 214.
Мордвинов Николай Семенович — 22, 37—42, 47, 52.
Муравьев Михаил Николаевич — 5, 127, 159, 164, 166, 168—170, 172, 174, 176—179, 185, 190—192, 197, 205, 206, 214, 217, 219, 220, 222, 229, 240, 253.
Наг Адольф — 138—141, 151, 230.
Неелов Дмитрий Дмитриевич — 166, 191, 192, 212, 217, 227.
Некрасов Николай Алексеевич — 95, 128, 138.
Нельдекен Карл Карлович — 32, 33.
Неручев Михаил Васильевич — 235.
Николай I — 16, 34, 35, 37, 42, 44, 57, 119, 122.
Одоевский Владимир Федорович — 67, 103—105.
Ольденбургский Петр Георгиевич — 119, 120.
Очаповский Аполлинарий — 21, 30, 107.
Павлов Иван Петрович — 91.
Павлов Михаил Григорьевич — 19, 20, 27—29, 33, 61, 75, 101, 104, 121, 197, 247.
Палимпсестов Иван Устинович — 82, 88, 89, 93, 154, 235, 245.
Паллас Петр — 8, 12.
Пейкер Николай Иванович — 83, 120, 122, 127, 128.
Петерсон Егор Андреевич — 177, 178, 180, 210, 212, 223, 227.
Петр I — 7, 8, 57.
Пирогов Николай Иванович — 188—190, 220, 223.
Половцов Александр Андреевич — 211—214, 217.
Прянишников Дмитрий Николаевич — 258.
Пузанов М. — 197—199, 242.
Пузыревский Платон Алексеевич — 186, 255.
Радищев Александр Николаевич — 11.
Раздольский Павел Александрович — 78, 131, 134, 142, 159, 160, 165.
Рего Эдуард Федорович — 78, 130, 133, 134, 142, 145, 148—150, 159, 160, 162, 165, 179, 203, 220, 254.
Рошковский — 122, 123.
Рычков Петр Иванович — 8, 11.
Сабуров П. В. — 101, 103, 104, 108.
Савинич Иосиф — 143, 160, 161, 164.
Садиков Степан — 91.
Самборский А. А. — 12, 13, 15.
Сахаров Леонид Иванович — 90, 91, 93.
Сераковский Сигизмунд — 210, 216.
Сибирцев Николай Михайлович — 256.
Скворцов Николай Николаевич — 144, 178, 179, 233, 235, 236, 240.
Снятков Евгений — 131.
Советов Александр Васильевич — 86, 91, 92, 130, 133, 134, 142, 144, 151, 160—163, 165, 174, 186, 192, 230, 235, 240, 244—249, 252—257, 259—261, 263.
Соколов Петр — 91, 93.
Соллогуб Лев Иванович — 44, 62, 253.
Сперанский Михаил Михайлович — 35, 36, 48.
Стебут Иван Александрович — 131, 133, 134, 138, 142, 145, 148, 149, 160, 162, 165; 193—197, 200, 203—205, 212, 214, 220, 224, 230, 235, 237, 238, 242, 244, 246, 248, 253, 254, 257—260, 262, 263.
Стендер Филипп Филиппович — 58—60, 62, 71, 72.
Стржеминский Бронислав — 193.
Струков Дмитрий Николаевич — 103, 178.
Сычугов С. П. — 71, 112.
Тимирязев Климент Аркадьевич — 5, 235, 237, 258, 259.
Татищев Василий Никитич — 10.
Толстой Дмитрий Андреевич — 259, 260.
Траутфеттер Рудольф Эрнестович — 31, 166, 188—190, 192, 204, 205, 207, 210—214, 216, 220, 223.
Тургенев Иван Сергеевич — 128.
Тэер Альбрехт Даниэль — 4, 19, 28, 143, 145, 173, 191, 197, 247, 248.

Уваров Сергей Семенович — 25, 31, 48, 113, 114, 117, 130.
Усов Степан Михайлович — 29, 30, 33, 40, 78, 143, 147, 197, 245—247.
Чернышевский Николай Гаврилович — 81, 82, 88, 89, 91, 109, 126, 203, 220, 230; 237.
Чехов Антон Павлович — 236.
Чоловский Константин А. — 92, 93, 252.
Чуйкевич Василий — 193, 194.
Фальков Ефим Степанович — 145, 192, 235, 245.
Федоров Семен Федорович — 57—62, 70, 75.
Фортуатов Алексей Федорович — 235, 258.
Хитров Иван — 91, 93.
Ходецкий Старин Мартинианович — 145, 186, 243.
Целинский Богдан Андреевич — 4, 31, 33, 67—69, 75, 76, 78, 83, 85—87, 95, 99, 103, 116, 131, 133, 134, 142, 144, 148, 153—156, 158, 165, 179, 180, 183, 184, 197—200, 214, 220, 224, 229, 230, 235, 242, 245—247, 252, 254.
Червинский Раймунд — 208, 214.
Черемшанский Василий Макарович — 92, 93, 252.
Чернопятов Илья Никитич — 89, 235, 241, 246, 248, 250.
Шелехов Д. П. — 101, 103, 104, 108, 197.
Шеллинг Фридрих — 28, 143, 144.
Шмидт Константин Данилович — 78, 131, 134, 142, 145, 159, 160, 162, 165, 174, 197, 199, 200, 220, 221, 224, 235, 254.
Штейгер Рудольф Рудольфович — 43, 45—47, 56, 58, 71, 72.
Шульгин Иван Петрович — 109—111, 217, 227.
Щербатов Михаил Михайлович — 10, 11, 52.
Энгельгардт Александр Николаевич — 224, 225.
Юнгмейстер Ф. — 58, 72.
Юревич Пий Матвеевич — 192, 205, 235.
Якубовский П. — 243, 246.
Янсон Юлий Эдуардович — 193, 220, 224, 235.
Ястржембский Адам Иванович — 209.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агрономические путешествия по России — 84—86, 148—151, 193—194.
- Общество улучшения частного сельского хозяйства — 64—65.
- Опыты сельскохозяйственные — 62, 97—99, 146—148.
- Первые диссертации по сельскому хозяйству — 68, 245—249.
- Петербургская практическая школа земледелия — 15—18, 95.
- Петербургский земледельческий институт — 221, 223—225, 234.
- Петровская земледельческая и лесная академия — 5, 176, 234, 237—238, 242, 259, 260.
- Планирование сельскохозяйственного образования — 40, 69, 109.
- Планы учебные — 75—77, 94, 132, 182—183, 237—238.
- Подготовка профессоров по сельскому хозяйству — 117—118, 242—245.
- Положения о ГЗШ и ГЗИ — 48—54, 71, 73, 114—119, 180—182, 239—241.
- Правила для учащихся — 53, 54, 61, 114, 239.
- Практическое учебное заведение при Дерптском университете (Альткустгофский институт) — 30—32, 40, 41, 67.
- Профессорско-преподавательский состав — 54, 57, 58, 78, 87, 117, 118, 131, 165, 184.
- Состав учащихся — 81, 82, 93—95, 121, 136—138, 201—202, 231—233.
- Студенческое движение — 122, 202—209, 225—226, 230.
- Съезды сельскохозяйственные — 152—158.
- Техническое высшее образование — 3, 8, 36, 48, 102, 112—113, 241, 245.
- Удельное земледельческое училище — 24—27.
- Университеты и кафедры сельского хозяйства — 14, 19, 27—33, 42—43, 67, 112—113, 129—130, 186—188, 242—244, 255—257.
- Установление ученых степеней по сельскому хозяйству — 106—107, 113—114.
- Учебное хозяйство ГЗИ — 51—53, 82, 84, 96, 97, 145—146.
- Ученый комитет министерства государственных имуществ — 66, 67, 179, 187.
- Училище сельских учителей при ГЗШ — 70.
- Училище сельского хозяйства в Петербурге — 120.
- Харьковское земледельческое училище — 120, 235.
- Школа земледелия и горно-заводских наук С. В. Строгоновой — 22, 23, 47, 48.
- Агрономические путешествия по России — 84—86, 148—151, 193—194.
- Белорусское вольное экономическое общество — 23—24.
- Вольное экономическое общество (Петербургское) — 9, 10, 22, 47, 120.
- Восстановление института в Горках — 261—262.
- Выставки сельскохозяйственные — 102, 158—159, 251.
- Высшее сельскохозяйственное образование за границей — 3—4, 19, 173, 191.
- Горыгорское имение — 44—45, 55—57, 253.
- Горыгорское земледельческое училище — 49—50, 135, 144, 184, 191, 206.
- Горыгорская учебная ферма — 69, 83, 84, 170, 206.
- Деятельность окончивших ГЗШ и ГЗИ — 88—93, 233—237, 250, 252, 254—259.
- Землемерно-таксаторские классы при ГЗИ — 170—172.
- Комитет об усовершенствовании земледелия — 39, 41, 46.
- Крестьянский вопрос — 35—37, 83, 100, 138—141, 149, 154—157, 229—230.
- Лесной институт и лесное образование — 18, 182, 217—218, 225—226, 238.
- Маримонтский институт сельского хозяйства — 8, 21, 22, 107, 108, 185—186.
- Министерство государственных имуществ — 9, 64, 69, 103—106, 108, 122, 222, 241—242.
- Министерство народного просвещения — 34, 48, 64, 105—108, 112, 222—223, 241—242.
- Московская земледельческая школа — 19, 20, 47, 235.
- Московское общество сельского хозяйства — 19, 102—104, 173—174, 176—177.
- Набор учащихся в ГЗШ и ГЗИ — 58—59, 80.
- Научные командировки по сельскому хозяйству в России и за границу — 12, 13, 19, 67, 151—152, 244.
- Начальное образование — 33, 34, 36, 69—71, 95.
- Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства — 6, 222, 242.
- Обследование ГЗШ и ГЗИ — 72, 73, 79—80, 172—178.

ХРОНОЛОГИЯ

сельскохозяйственного образования в России с его начала до Великой Октябрьской социалистической революции (Основание учебных заведений, Положения о них, введение курса агрономии в университетах)

А. Высшее

- 1770 — Курс земледелия в Московском университете.
- 1804 — 5.XI — Кафедра минералогии и сельского домоводства в университетах по уставу 1804 г.
- 1834—1839 — Практическое учебное заведение сельского хозяйства (Альткустгофский институт) при Дерптском университете.
- 1835 — 21.VII — Кафедра технологии, сельского хозяйства, лесоводства и архитектуры в университетах по новому уставу.
- 1836 — 7.IV — Выделение курса сельского хозяйства в университетах в самостоятельную кафедру.
- 1836 — 24.IV — Горыгорская земледельческая школа с высшим разрядом и опытным полем.
- 1837 — 26.XII — Учреждение Министерства государственных имуществ.
- 1848 — 30.VI — Горыгорский земледельческий институт.
- 1859 — 8.XII — Новое Положение о Горыгорском земледельческом институте.
- 1861 — 16.V — Агрономическое отделение при Рижском политехническом училище (с 1876 г. высшее учебное заведение).
- 1862 — 8.V — Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства в Пулавах, Люблинской губернии, вместо переведенного сюда из-под Варшавы Маримонтского института сельского хозяйства.
- 1863—1869 — Временное закрытие Ново-Александровского института.
- 1863 — 18.VI — Кафедра агрономической химии в университетах по новому уставу.
- 1864—VI — Перевод Горыгорского земледельческого института в Петербург.
- 1864 — Петербургский земледельческий институт.
- 1865 — 27.X — Петровская земледельческая и лесная академия.
- 1873 — 16.VI — Новый устав Петровской земледельческой и лесной академии.
- 1877 — 5.XI — Закрытие Петербургского земледельческого института.
- 1884 — 23.VIII — Кафедра агрономии в университетах по новому уставу.
- 1889 — 30.V — Положение о Петровской сельскохозяйственной академии.
- 1890—1892 — Временное закрытие Ново-Александровского института.
- 1894 — 6.VI — Московский сельскохозяйственный институт (бывшая Петровская сельскохозяйственная академия).
- 1898 — Сельскохозяйственное отделение при Киевском политехническом институте.
- 1904 — 8.XI — Стебутовские высшие женские сельскохозяйственные курсы в Петербурге.
- 1906 — Петербургские сельскохозяйственные курсы, учрежденные агрономами.
- 1908 — Голицынские высшие женские сельскохозяйственные курсы в Москве.
- 1911 — Вологодский молочно-хозяйственный институт.
- 1913 — Воронежский сельскохозяйственный институт.
- » — Высшие сельскохозяйственные курсы в Саратове.
- 1915 — Перевод Ново-Александровского института в Харьков.
- 1917 — Петровская сельскохозяйственная академия (бывший Московский сельскохозяйственный институт).
- 1919 — 9.IV — Восстановление Горьковского сельскохозяйственного института, ныне Белорусской сельскохозяйственной академии, на базе Горьковских сельскохозяйственных учебных заведений.

Б. Среднее

- 1797—1803 — Петербургская практическая школа земледелия (около Павловска).
- 1822 — Московская земледельческая школа.

- 1824—1844 — Школа земледелия и горнозаводских наук Строгоновой в Петербурге и Марьино, Новгородской губ.
 1832—1862 — Земледельческое удельное училище в Красном селе.
 1836—24.IV — Горыгорецкая земледельческая школа.

Земледельческие училища

- 1848—30.VI—Горыгорецкое.
 1849—1854 —Училище сельского хозяйства в Петербурге.
 1854 — Харьковское.
 1861 — Казанское.
 1865 — Саратовское (Мариинское).
 1865 — Уманское (с 1844 г. главное училище садоводства).
 1874 — Херсонское.
 1878 — 30.V — Устав земледельческих училищ.
 1888 — 10.III — Изменения к Уставу.
 1889 — Красноуфимское (Пермской губ.).
 1898 — Богородицкое (Тульской губ.).
 1899 — Самарское.
 1902 — Псковское.

Сельскохозяйственные училища

- 1904—26.V—Положение о среднем с.-х. образовании. Преобразование земледельческих училищ в сельскохозяйственные.
 1907 — Донское (Новочеркасск).
 1909 — 19.IV — Горькое землемерно-агрономическое.
 1911 — Преобразование Горького земледельческого училища в сельскохозяйственное.
 » — Ковенское.
 » — Верхнеднепровское (Екатеринославская губ.).
 1912 — Омское.
 » — Тамбовское.
 1914 — Таврическое (Мелитополь).
 1915 — Сельскохозяйственные гидротехнические (Киев, Одесса, Петроград).

В. Низшее

(Положение и первые школы. Всего по списку сельскохозяйственных учебных заведений, подведомственных департаменту земледелия на 1.I 1917 г. было 229 низших сельскохозяйственных училищ и школ).

- 1841 — 6.V — Положение об учебных фермах.
 1844 — Горыгорецкая учебная ферма.
 1860 — 4.V — Преобразование учебных ферм в учебные хозяйства при земледельческих училищах.
 1872 — 1.II — Горькое ремесленное училище.
 1876 — 21.V — Мариинно-Горское училище, Игуменского уезда (ныне Червенского района), Минской губ.
 1883 — 27.XII — Положение о низших сельскохозяйственных школах.
 1904 — 26.V — Положение о низшем сельскохозяйственном образовании.
 1911 — Преобразование Горького ремесленного училища в сельскохозяйственное ремесленное.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр. тит. л.
Вид Горыгорецкого земледельческого института [«Записки ГЗИ», 1855]	44
План Горыгорецкого имени Могилевской губ. в 1834 г. [по плану ЦГИЛ, ф. 384, оп. I, д. 168]	48
Указ Николая I об основании Горыгорецкой земледельческой школы [ЦГИЛ, ф. 1329, № 524, 1836]	51
План школьного имения	74
Форма одежды учащихся высшего и низшего разрядов Горыгорецкой школы	79
Титульный лист «Журнала Министерства государственных имуществ»	110
Карта Европейской России с указанием учебных заведений, подведомственных департаменту земледелия [Хозяйственно-статистический атлас Европ. России, СПб, 1849]	124
План Горыгорецкого земледельческого института [Краткий указатель Горыгорецких земледельческих учебных заведений, СПб, 1858]	138
Диплом проф. А. Н. Козловского, окончившего Горыгорецкий институт [ЦГИЛ, ф. 398, 1852, д. 5446]	141
Титульный лист «Записок ГЗИ» (перед таблицей 12)	144
а) план учебной фермы в Горках; б) план фольварка Иваново [Краткий указатель Горыгорецких земледельческих учебных заведений, СПб, 1858]	200
Химическая лаборатория Горыгорецкого земледельческого института	228
Медаль студентам [ЦГИЛ, ф. 381, № 24, 1850]	257
В. В. Докучаев и А. В. Советов с группой молодых почвоведов	
Портреты профессоров А. В. Советова, И. А. Стебута, И. Н. Чернопятова, А. М. Бажанова, А. П. Людоговского	

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. Вступление	3
2. Глава I. Формирование агрономии и сельскохозяйственного образования в России	7
3. Глава II. Основание Горыгорецкой земледельческой школы	35
4. Глава III. Высший разряд Горыгорецкой земледельческой школы	64
5. Глава IV. Горыгорецкий земледельческий институт по Положению 1848 г.	100
6. Глава V. «Записки Горыгорецкого земледельческого института»	125
7. Глава VI. Горыгорецкий земледельческий институт по Положению 1859 г.	168
8. Глава VII. События 1863 г. в Горыгорецком земледельческом институте и перевод его в Петербург	201
9. Глава VIII. Значение Горыгорецкого земледельческого института	229
10. Источники и литература	264
11. Именной указатель	267
12. Предметный указатель	270
13. Хронология сельскохозяйственного образования	271
14. Список иллюстраций	273